

Александр Христофоров
Политическое
животное



КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

18+

Александр Христофоров
Политическое животное
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49206462

*Политическое животное:
ISBN 978-5-907220-05-8*

Аннотация

Сюжет этой книги основан на реальных событиях, но не так уж важно, где именно они происходят, – важно, что на постсоветском пространстве. Поэтому дебютную книгу Александра Христофорова можно назвать постсоветским «Карточным домиком». Выборы, медиа, пиар, деньги, должности, предательства, секс, убийства – все ради власти.

Мишель Фуко однажды заметил, что война вовсе не продолжение политики другими средствами; скорее политика – это другое агрегатное состояние войны. Эта книга как раз о том, как политика превращается в войну.

Содержание

Север и Юг

5

Конец ознакомительного фрагмента.

111

Александр Христофоров

Политическое животное

Этот текст – не документальная хроника, а все совпадения имен и событий лучше считать случайными. В то же время, если вы в чем-то твердо убеждены – то автор горячо поддержит вас, спорить не станет и подтвердит, что именно так все и случилось. К главному герою не относитесь строго: да, порой он неправ, эгоистичен, предается порокам и во многом максималист, зато принципиален и верит в людей. И еще: когда он произносит слово «детка», он немного прищуривает левый глаз, копируя какого-то киногероя – похоже, говорить так всерьез ему кажется несколько пошлым.

© А. Христофоров, 2020

© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

© П. Лосев, оформление, 2020

Север и Юг

Три года назад я напоил ее так, что мы делали это прямо на песке. Четыре (пять?) коктейлей, и по темной лестнице мы скатились на ночной пляж.

– Ты, наверное, хороший любовник?

– Хороший, очень хороший, – сказал я. Она насмешливо покачала головой (рыжие волосы взметнулись над зелеными глазами).

– Да, и похоже, оч-ч-чень скромный!

– Нет, не скромный, потому и хороший.

И она снова смеялась. Море шелестело волнами и отдавало нам свое тепло, песок попадал в рот, в уши и туда, куда ему ну точно не стоило попадать.

– Мам, я сегодня буду поздно, я пью с женщиной моей мечты. Да, мам, все хорошо. Обязательно мам, я наберу. – Она звучно хлопнула «лягушкой» и обернулась ко мне: – Знаешь, я уже полгода сижу на гормонах и могу заниматься сексом, не боясь забеременеть.

У нее была несчастливая любовь. То есть если любовь бывает – это уже счастье, просто расставание было тяжелым. Она ничего не ела, не хотела ходить в душ и делать прически. Хотите сбросить лишний вес – влюбляйтесь и страдайте. Она теряла килограмм за килограммом, и ее перевели на принудительное питание. Гормоны, капельницы, мать носит

в туалет и ванную. Через полгода она открыла глаза и поняла, что вновь хочет жить. Перед тем, как я все это узнал, я увидел ее фото в интернете – у нее были потрясающие зеленые глаза, густые, рыжие, как в школе, волосы и уже совсем не школьная женская фигура.

...Если такие, как она, бросают вызов, обязательно нужно победить. Или рассмешить. Хотя это и есть победа – она засмеялась.

– Нет, не скромный, потому и хороший!

– Да, ты похож на мужчину моей мечты!

Мы скатились на ночной пляж по темной лестнице, нас захватила суета объятий.

– Не останавливайся, – попросила она.

Мы еще долго лежали на песке, перевернувшись на спину и широко раскинув руки. Каждый думал о своем. Нам было хорошо так – вместе и в то же время наедине с собой. Оказалось, что все ее мысленное усилие было направлено на наш допинг.

– Какой, ты говоришь, рецепт? Водка, апельсиновый сок и персиковый ликер?

– Да, водка, апельсиновый сок и персиковый ликер. «Секс на пляже».

– Да, детка, это секс, и он действительно на пляже! – звонко захохотала она.

Я засмеялся, посмотрел на лунную дорожку и встал. Вода была теплой, я вытянул руки и оттолкнулся ото дна. В тот

раз она действительно не забеременела.

Дела складывались неудачно, деньги, заработанные в столице, давно закончились, и мне приходилось опять искать жилье. Я больше не мог оплачивать прекрасную комнату с видом на собор и соседкой-художницей с сотней длинных косичек. Не знаю, что привлекало меня сильнее – вечерний бой курантов или задушевные разговоры со служительницей кисти и холста за стаканом пенящегося сидра. В любом случае я не мог заплатить за полгода вперед, как требовал того хозяин. Поэтому я собирал свои пожитки, а художница восседала посреди комнаты, на свалке из брюк, книг и других мужских вещей. Она любила мороженое в вафельных стаканчиках, и мою прощальную вечеринку «сделала» бутылка сидра и шоколадный рожок. Мороженое капало на неровный паркет, она ловко слизывала сладкое с пальцев и болтала ногами.

– Ну и куда ты теперь? Поедешь обратно, в столицу?

На днях у нее купили картину, и в ее голову даже не могла закрасться мысль о том, что у меня не было ни копейки – только под парадным стояла машина, ее я занял на несколько дней у товарища, чтобы перевезти вещи или даже ночевать, если окажусь без крыши над головой. Ну а куда везти вещи – я еще не решил, но точно знал, что по дороге туда я заеду к Феликсу. Он уже несколько месяцев хотел заполучить мой среднеформатный «Роллейфлекс». По бросовой, конеч-

но, цене.

– А ты бу-у-удешь заходить в го-о-ости? – капризно протянула она.

– Да, Мона Лиза, улыбнись – и не успеешь оглянуться, стану пред тобой, как лист перед травой!

Мы крепко обнялись, и через ее плечо на стене напротив входа в комнату я увидел снимок широкого заснеженного проспекта – блики зимнего солнца мерцали на замерзшей мостовой, и машины плотным потоком ползли по своим делам. Я чмокнул ее в щеку, и общая дверь щелкнула за моей спиной, я спустился по винтовой лестнице во двор.

В машине был полный бак, и я подумал, что, в общем-то, мог бы доехать и до столицы. Едва ли мне было нужно туда, но возможность сорваться давала иллюзию свободы. Впрочем, я и в самом деле был свободен, и даже слишком: ни работы, ни жилья, ни женщины, которая меня по-настоящему ждет. Завибрировал телефон, я поднял трубку.

– Дорогой, пошарь в карманах, мои трусики не остались где-то у тебя?

– Нет, детка, в моих карманах только песок.

– Знаешь, я слышала, тебе негде жить, я нашла прекрасный вариант! – заявила она. Честно говоря, такая житейская практичность нисколько не вязалась с ее легкомыслием и желанием сваливать бытовые сложности на мужчин.

– И что за вариант?

– Отдельная квартира, морской район, одна комната, ре-

монт, триста за месяц! – Презентацию она провела с чувством и расстановкой. Я прикинул, что свой «Роллей» отдам за пять сотен, не меньше, на первый месяц хватит, дальше решим. По крайней мере, сегодня я уже буду знать, где оставить вещи.

– Да, дорогая, что я должен делать?

– Запиши номер, дашь человеку задаток, он вручит тебе ключ!

Я запомнил номер телефона и договорился о встрече. Оказалось, все серьезно – агент, база адресов в любом районе. Я решил даже не устраивать «смотрины» – пусть интерьер квартиры окажется сюрпризом. После этого я позвонил другому человеку.

– Какие дела, Феликс? – поигрывая ключами от машины, спросил я.

– Решился! – торжественно заключил он.

Я отдал «Роллей» и несколько роликов пленки за пять сотен и по узким улочкам помчал на условленное место. Ровно к назначенному часу подошел невысокий человек с папкой в руках и спросил, от кого я. Мой ответ удовлетворил его, он спрятал деньги в свой мятый костюм и открыл папку.

– Подпишите здесь, вот ваши ключи. – Из мятого костюма человек извлек мятый конверт. В нем и в самом деле был ключ, на бирке был написан адрес, номер 7Б.

– Благодарю, – сказал я мятому человеку и немного успокоился.

Еще когда я повернул на означенную улицу, нехорошее предчувствие кольнуло меня. Номера, написанного на ключе, не было. Шестой, седьмой, восьмой – были. А седьмого «Б» – не было. «А» – тоже. Я все-таки набрал номер «агента», но телефон был отключен. Я набрал ее.

– Я так и знала, что ты будешь звонить! Скажи, когда быть у тебя в новом доме и цвет белья!

– Подожди, детка, скажи, где ты взяла номер своего агента.

– Ммм. – Я прямо почувствовал, как она надула губки. – Тебе не нравится квартира?

– Квартира ничего, – соврал я.

– Номер нашла в бесплатной газете, в почтовом ящике по пятницам. Я поняла – когда освободишься, набирай. Я помогу убрать! Целую! – И, не дожидаясь ответа, положила трубку.

Найти квартиру за двести было сложной задачей. Просто невозможной задачей. Я зашел в ближайшее заведение с интернетом и заказал пива. После часа поисков по городскому форуму мое внимание привлекла пользователь Клякса. Судя по многочисленным темам, она располагала пятью – семью квартирами, которые сдавала всем желающим. Самым приемлемым вариантом был центр города, улица с булыжником, двести пятьдесят за месяц. Если считать мое пиво и легкий перекус, то не хватало уже почти шестидесяти. Я позвонил – трубку сняли сразу и произнесли что-то неразборчиво.

– Здравствуйте, вы сдаете квартиру? – спросил я и услышал крики и ругань.

– Да, есть квартира, но перезвоните позже, – ответил взволнованный женский голос, и разговор оборвался. Я заказал еще пива. Вот теперь не хватало ровно шестидесяти. Что-то подсказывало мне, что нужно позвонить еще раз. Я набрал тот же номер.

– Алло, – сказала Клякса.

– У вас все в порядке? – спросил я.

– А кто это? – все так же взволнованно спросила она.

– Я только что звонил вам по поводу квартиры. У вас в порядке? Такие звуки, будто вы ведете репортаж из горячей точки.

Спустя пару минут я уже выяснил, что Клякса – счастливый обладатель огромной, старой, совсем не женской машины. Клякса оставила ее на той самой улице с булыжником, и дорожная инспекция посчитала, что драндулет мешает движению. А крики и ругань на фоне – попытки Кляксы забрать машину со штрафплощадки.

– Сейчас буду, – сказал я.

– Хорошо, – удивленно протянула она.

Клякса оказалась невысокой женщиной лет тридцати пяти без гроша в кармане. Чтоб забрать машину со штрафплощадки, нужны были деньги. Ровно сто девяносто. Из будочки охранника я вышел с ключом в руках и передал его Кляксе.

– Вы... Вы хотели снять квартиру? – спросила моя новая

знакомая.

– Да. Мне спать негде, – улыбнулся я.

– У меня сейчас есть ключи от квартиры – я как раз убирала там, когда забрали мой драндулет. Сколько вы потратили? Я не уверена, что эта квартира подойдет вам. – Клякса достала длинный ключ и протянула его мне. – Может, вы сначала посмотрите, квартира не слишком хороша...

– Знаете, не в моем положении перебирать. – И я забрал ключ. На нем не было никаких бирок, но адрес я нашел быстро.

Булыжник, темная подворотня и разбитые светильники привели меня во двор, где, казалось, обитали только голуби и заброшенный фургон. По скрипучей лестнице я поднялся на террасу, идущую вдоль двора. Терраса привела в темный коридор, и я подошел ко второй двери. Замок открылся легко, я включил свет. Нагнул голову и вошел. Наверное, эта квартира и в самом деле не слишком подходила мне – кривой пол, туалет от кухни отделяет ширма, почти нет света. Слышу, о чем говорят соседи. Я принес из машины кое-какие вещи, расстелил свой плед на диване и свалился спать.

Проснулся я в шесть утра от воркования и шарканья голубей по карнизу. Оказалось, что стекла в окнах разбиты, было слышно все, что происходит на улице. Я лежал и слушал, как просыпается город – шины шуршали по булыжнику. Одна машина, две... Зубной пасты не было, воды в кране тоже. Зазвонил телефон.

– Алло, я знаю, что рано, но по пути на работу могу заехать к тебе. Скажешь точный адрес?

Я сказал. Оказывается, она уже была в дороге, и спустя полчаса моя новая квартира наполнилась запахом мятной зубной пасты, горячих булочек и легких духов.

– Ну, до вечера. Будем убирать здесь. – Она провела пальцем по полке шкафа и демонстративно вытянула его в мою сторону. На пальце осталась пыль. – До вечера! – Она чмокнула меня в нос, и я почувствовал, как пахнут ее волосы. Хлопнула дверь, а я остался сидеть на диване – допивал кофе и жевал последнюю булочку.

Художнице повезло – один денежный мешок решил издать каталог ее работ. Это означало, во-первых, повышение ее статуса, а значит, и стоимости картин, поскольку журнал распространялся по библиотекам и полотна становились «каталожными», во-вторых, именно она решала, кто выполнит этот внушительный заказ на фотосъемку картин, верстку каталога и его печать. Победа в ее личном конкурсе на лучшего фотографа по умолчанию была за мной. Поэтому я уже битый час переставлял свет по комнате, поправлял картины и нажимал кнопки. Она лежала на подоконнике и, положив голову на сложенные руки, мечтательно смотрела на невысокий собор под хмурым небом. «Бамм-бамм-бамм-бамм», – сказал собор.

– Четыре, – сказала художница.

Я почувствовал себя дома. Несколько ночей в квартире на булыжниково-голубиной улице еще не позволили мне отвыкнуть от этих звуков и запахов. Я машинально мотал пленку и нажимал на спуск.

– И как тебе в новой квартире?

Тогда пришлось рассказать ей о своих бытовых сложностях и о том, что совершенно невозможно принимать гостей. Она вскинула брови кверху, но ничего не сказала.

Еще до того, как началась верстка каталога, окна и стены моей новой булыжниковой квартиры были затянуты и завешаны репродукциями картин. Я сотни раз видел эти работы вживую, переставлял их, помогал развешивать в выставочных залах – даже в моей комнате был небольшой склад из ее картин. И хотя на смену звукам собора пришли голубиные разговоры, я будто оставался там же – почему-то я упорно цеплялся за это жилье. Именно туда я приехал из надоевшей столицы с ее пылью, машинами и метро...

В столице шла к концу зима – и уже уверенно пришла весна в город у моря. Все мои мысли были о пляже и тепле, и мне казалось, что именно поэтому светило яркое солнце. Вместе с оператором я ползал по заледеневшему тротуару широкого проспекта – нам нужна была низкая точка, чтобы «взять» крупный план шин, идущих по свежему снегу. Я снимал сюжет для утреннего эфира пятницы – «что делать женщине, если у машины пробито колесо». Сегодня был чет-

верг, вечером в студии – монтаж, а в кармане – билет на пятничный автобус, и уже ранним вечером пятницы я планировал быть в весне. Выходные в родном городе у моря – и снова в зиму.

– Давай возьмем еще вот блик на солнышке, – сказал оператор. Я уважал его академическое образование, позволяющее совершать чудеса на съемках, и злился из-за его же обстоятельной медлительности, без которой это было невозможно. Я достал свою «Практику» и, чтоб не скучать, сделал несколько кадров.

– Все, тебе должно хватить, – небрежно сказал он, – без интервью минут семь, не больше!

Здесь надо пояснить, что он очень гордился своей способностью снимать без «мусора». Так называемая «монтажная» съемка, позволяющая положить «на линейку» все подряд, как снято, и отсутствие испорченных кадров делали монтаж очень быстрым. «Так что напрасно я нервничаю, пусть возитесь – смонтируем быстро, – подумал я. – А в шесть утра на автобус и в весну!»

Мы ехали в студию, с пассажирского места я рассматривал спальные районы, освещенные зимним солнцем. Но скоро я увижу совсем другие пейзажи: об отъезде я договорился с редактором еще в начале недели. В студию домчали за десять минут – обеденные пробки в этом направлении были «в нашу пользу», и я отправился в буфет поесть.

Все места были заняты: новостийщики держались своей

группкой, программщики приветственно помахали и сдвинулись, позволяя присесть: в новостях конкуренция высокая, а вот авторы программ настроены друг к другу благожелательней, делить нам нечего. До поры до времени, конечно. Я хлебал горячий суп и слушал разговоры о выборной кампании одного из национально-озабоченных политиков. Часть национально-озабоченной группы авторов рьяно и люто поддерживала все мысли, высказанные этим «деятелем» в своем последнем выступлении.

– Те, кому не нравится – могут и уехать, – рассуждала светловолосая девчушка. Она специализировалась на добрых сюжетах о больных собаках и покинутых сиротах, «давила слезу», как говорила она сама. Девушка была совсем юной, и от этого такие речи казались еще жестче.

– Да как же ты, тебе же сколько лет, как ты можешь так говорить! – горячился краснолицый оператор лет пятидесяти, который забрел сюда случайно, – обычно операторы обедали в своем кругу. Девушка продолжала доказывать, что все идеи политика верны, мужчина нервничал и спорил.

Я уже знал все доводы и этапы этой надоевшей дискуссии и торопился доесть кашу с мясом до того момента, когда страну начнут делить на две части – вообще, наш телеканал занимал не самое последнее место в пропаганде националистических настроений.

– Да будет вам! Идем вечером в «Джунгли»! – сказал кто-то.

Оказалось, вечерний монтаж назначен большинству журналистов, и в баре решили собираться по мере освобождения каждого участника попойки. Монтаж мне назначили на пять, я планировал управиться минут за сорок и хорошенько отметить свою поездку, пусть даже и буду трястись в автобусе с похмельем. Я доел и отправился в ньюс-рум – в помещении было несколько человек, они работали над пятничным эфиром. Коллега напротив уже успел приехать со съемки и корпел над своим сюжетом.

– Хэллоу! – сказал мой визави и опустил взгляд в монитор. Я «разбудил» компьютер и сорвался по клавишам в галоп – еще по дороге я все продумал, а кое-что даже записал в блокнот. Через кабинет стрелой промчалась редактор проекта.

– Всем привет! Что у нас с пятничным эфиром? Все успевают? Как гости в студию – все будут, никто не сквозит? Что зоопарк, записали ветеринара? Как там «женский» сюжет? Перебивки готовы? – И, не слушая ответов координатора, семенившей за ней, хлопнула дверью в свой «аквариум». Из-за стекла я видел, как она обсуждает с помощником завтрашнюю передачу. А впрочем, что еще им обсуждать... Я дописал текст, отправил на почту и через стекло махнул ей рукой. Она сразу придвинулась ближе к компьютеру и наморщила лоб. Спустя семь минут она махнула мне рукой – «Зайди». Если бы просто нужно было внести правки в сюжет, она бы не просила, чтоб я подошел. Я открыл дверь.

– Слушай, сюжет идет, все правки отметила, а монтаж перенесем на завтра, на утро. Отдохнешь завтра без сюжета, а я тебе поставлю съемку, как скажешь, – прищурив глаза, сказала она. Это уже был далеко не первый раз, когда мне вот так, с бухты-баракты приходилось менять планы по отъезду домой. Но сейчас...

– Послушай, если я не смонтирую сегодня сюжет, завтра уеду в любом случае. Уволюсь. – В общем-то, я не шутил.

– Да, я знаю, я помню, что мы договаривались. Но на первую часть...

Оказалось, монтаж расставили в следующем приоритете – мой коллега напротив, потом ее подруга-журналистка, вечно занятая сюжетами об одном и том же поэте. Так бывало уже не раз, и я знал причину.

– Я уезжаю утром. Если сегодня смонтируются все твои озабоченные языковыми проблемами, а я не успею – оставлю материалы на монтаже. Разберешься. Я в «Джунглях».

Я вышел от нее, взял из ящика стола большую кассету и распечатал текст сюжета. В лифте – популярные исполнители, по коридору носятся журналисты с такими же кассетами. Я зашел в кабинку начитки, и в наушниках зашипело. Звукорежиссер махнул: «Пишем». Я читал и часто сбивался, он неудовлетворенно качал головой, отматывал назад, чтоб я услышал темп речи, и записывал с нужного места (кто-то решил, что центральное телевидение будет вещать на языке, неродном для большей части страны – в том числе и для ме-

ня). В голове крутился разговор с редактором. Сама по себе она была неплохой девчонкой, но боялась пойти против «этих», а их активно поддерживало руководство канала, они ходили в любимчиках. Естественно, редактор дорожила своим местом и не хотела вызывать огонь на себя, в то же время понимая все эти интриги.

Я расписал монтажный лист, взял материалы и отправился в монтажку номер четыре. Вновь лифт со знаменитостями, коридор с кассетами и журналистами. Я остановился перед большой стойкой с магнитофонами всех стандартов, носителями, дисками и еще чем-то. Подруга редактора только что начала монтаж сорокаминутного фильма со спецэффектами о поэте «родного языка» на среду следующей недели – естественно, для них это больший приоритет, чем мой завтрашний сюжет, для монтажа которого мне пришлось бы явиться к пяти утра. Я хлопнул кассетами и монтажным листом по столу: «Вот!» – и оставил их перед монтажером. Он понимающе кивнул, посмотрел на кассету, прочитал на наклейке фамилию оператора и удовлетворенно кивнул еще раз. Я вышел.

На улице шел снег. Медленно падали белые хлопья, а фонари превращали эту картинку в рождественское кино. Я уткнулся носом в жилетку и широкими шагами попрыгал через сугробы. До метро идти одну остановку, и я брел среди машин по укатанной дороге. В ресторане напротив пили вино, люди брели по снегу и заглядывали в большое стеклянное

окно заведения, а оттуда им отвечали взглядами ценители горной кухни. Машины не двигались, пробка получилась из-за стоящего посреди дороги автомобиля – какая-то женщина пробила колесо, и мужчина помогал его менять; в принципе, примерно об этом я и снял сюжет... Как в фильмах о великом переселении народов, люди под снегом единым потоком брели к метро. Я думал о том, что все они находятся во власти столичного ритма, и лишь один я, благодаря мыслям о море, не подвластен этому тормозящему магнетизму.

Поезд быстро домчал до центральной станции, и, не выходя из-под земли, я перешел в большой торговый комплекс под главной столичной площадью. У входа стояла небольшая очередь к фотолавке. «Как раз успею смотать». – С этой мыслью я достал «Практику», оттянул кнопку спуска и перемотал пленку. Я крутил не церемонясь – здесь можно было сдать ролик в проявку, даже если у него не торчит «язычок». Приемщица приветливо улыбнулась, и я отдал ей катушку.

Все магазины закрывались, но «Джунгли» ждали гостей. За нашим столом собралось уже человек пятнадцать, и все обсуждали вечерний монтаж – кто на него попал, кто нет, почему, кто в этом виноват, кто не слишком и как сегодня идет снег. Скоро мы перешли за стойку на коктейльный марфон. После двух «Маргарит» у меня зазвонил телефон.

– Просили передать – сегодня твой сюжет точно не смонтируют, выходи завтра. – В голосе координатора скользило притворное безразличие. Я подумал о море и положил труб-

ку.

– Смешай мне, ммм... – Я посмотрел на бармена. – Смешай мне водку с апельсиновым соком и персиковым ликером.

– Водка, сок, персиковый ликер? «Секс на пляже»? – уточнил бармен. Я отвернулся от телефона и посмотрел на парня.

– Да, «Секс на пляже», – сказал я и будто сделал открытие. Над рядами бутылок висели часы – десять минут одиннадцатого. Я залпом выпил коктейль, расплатился, на выходе зацепил жилетку и выскочил из «Джунглей». Мои собутельники что-то кричали вслед, но я даже не попрощался. Охрана закрывала входные двери в торговый комплекс.

– Ребенок, там остался ребенок! – С этим воплем я пронесся мимо оцепеневших охранников и домчался до фотоларька. Приемщица выпустила из рук навесной замок и вытаращила глаза.

– Открывай, заберу пленку. – Я прерывисто дышал.

– Вы что, мы же сдаем, сдаем ее... Ее увозят в лабораторию...

– Где она? Где лаборатория?

Она взяла с прилавка визитку с адресом, а я выдернул картонный квадратик у нее из рук и помчался на метро. Поезд пришел сразу, я быстро доехал до нужной остановки и выскочил на улицу. Коктейли грели, хотя я уже успел порядком протрезветь от такого кросса. Люди небольшими группами стояли под снегом на конечных остановках и никуда

не торопились. Я рассмотрел визитку – на ней был нарисован план, дома и улицы. Лабораторией оказался двухэтажный павильон у моста, я влетел в помещение – грузчики носили большие кюветы, свертки, упаковки с наклейками адресов. Я оказался у стола и положил бланк своего заказа. Парень на выдаче, не посмотрев на бумагу, уточнил:

– Чебэ? Двадцать четыре кадра, торговый комплекс? – Оказалось, приемщица успела его предупредить, несмотря на мое странное поведение – или как раз из-за такого поведения.

– Да, моя!

– Ну вы же понимаете, что мы не успели ее проявить? – Парень положил на стол ролик.

– Да-да, – проронил я и выскочил на улицу. Половина одиннадцатого. Под мостом стояла очередь из такси. Я подбежал к первой машине, щелкнул ручкой двери и назвал адрес. Водитель помялся, пришлось добавить, и мы поехали. Я боялся опоздать. Без пятнадцати одиннадцать я выскочил из машины перед многоэтажным домом в спальном районе и по лестнице взлетел на одиннадцатый этаж – на лифте не ехал специально, вдруг застрянет? Открыл входную дверь и ворвался в квартиру. Окна были закрыты – зима. Я крепко завинтил все краны, газ, закинул в рюкзак фотоаппараты, переложил их пледом и закрыл дверь. У соседа был свой ключ, через неделю он должен был вернуться с гастролей – уже в такси я вспомнил, что оставил мусор и бессовестно опусто-

шил холодильник.

К одиннадцати я подъезжал к вокзальной кассе – очереди оказались невероятными, и быстро поменять билет едва ли было возможно, поэтому я сразу помчался к автобусу. Он уже отъезжал, неловко протискиваясь задним ходом между людьми и машинами. Я забарабанил в дверь, и водитель открыл.

– Есть места? Договоримся! – то ли скалясь, то ли улыбаясь, прорычал я в темноту куда-то в сторону руля.

– Договоримся, – покладисто и тихо сказал водитель-сменщик, лежащий сразу на двух сиденьях у двери, и я протиснулся в салон. Оказалось, что мне придется пересаживаться, если будут пассажиры, на свободные кресла и, возможно, придется ехать стоя. Поэтому я сразу облюбовал место на ступеньках и расселся, в общем-то, удобнее всех – расстелил плед и положил голову на шкаф с напитками. Автобус в весну тронулся, и впервые за долгое время я почувствовал себя спокойно.

...Я открыл глаза. Болела шея, я не чувствовал ног, с похмелья мутило. Я понял, что проснулся от жары, и снял пуховую жилетку. Попробовал встать и сразу присел – ноги затекли до боли. И все же я поднялся, стоя на ступеньках, прислонился лбом к стеклу двери. Обрывки сна и короткие ночные остановки наконец-то привели меня в единственный город, который мне так нужен и где меня ждут. Мы подъезжали. Поля, мост, разметка становится аккуратнее. Появились

указатели, и скоро я увидел знакомые улицы, освещенные рассветным солнцем, – здесь давно уже не было снега, а все казалось таким близким и родным, будто я сам все это расставил, а никто и не посмел что-то тронуть. Неприятно удивили лишь огромные рекламные щиты со слоганами политика, о нем за обедом и спорили журналисты – да что уж там, после наших эфиров и вся страна обсуждала на своих кухнях его идиотские идеи. «Ну чью, чью поддержку ты получишь здесь?» – думал я.

Автобус остановился, я вышел первым. Все мои вещи были в рюкзаке, я сразу пошел искать такси, а остальные пассажиры суетливо, наперегонки собирались у багажного отделения.

Я не стал брать машину на вокзале – здесь водители спрашивали втрое дороже. И дело было не в том, что мне жаль денег – просто это для приезжих. А я здесь свой, я дома, несмотря на то, что несколько лет прожил в другом городе. Я шел вдоль дороги и, когда автовокзал скрылся за поворотом, поднял руку. Сразу остановилась старая, изъеденная ржавчиной машина. Водитель, даже не говоря о деньгах, повез меня, а я назвал место, где можно было спуститься машиной прямо к воде. Громыхала плохо закрытая дверь, автомобиль продувало ветерком, а я уже снимал свитер – хотел почувствовать, как греет солнце. Мы ехали через центр города – его еще не успели застроить высотками, поэтому из машины я видел небо. Это был один из немногих районов, где можно

видеть облака, солнце или тучи из окна машины. Мы выехали из центра, теперь по сторонам от дороги виднелись деревья и совсем низкие дома. Обзор становился все шире, и я увидел солнце, которое успело высоко подняться над морем. Солнце слепило глаза, и через голые деревья в морской воде я видел блики и отсветы. Мы ехали вдоль моря, началась бетонка, которая понесла круто вниз. Водитель остановил машину у самого песка и проронил: «Море, как заказывали!»

Я открыл дверцу и вышел. Снял ботинки, украшенные белыми разводами столичного снега, носки бросил прямо на песок, подкатал брюки и пошел к воде. Море не успело прогреться, весна только началась, но мне не было холодно. Вода освежала, и похмелье отходило. Невысокие волны доходили до колена, я стоял и смотрел на солнце...

...Я старательно заклеивал разбитую форточку одной из десятков репродукций разных изображений собора и ждал ее в гости. Наша уборка прошла удачно: мы подробно изучили ее новое розовое белье, хорошенько подмели пол и вытерли всю пыль. Она даже разложила мои вещи по полкам. Фотоаппараты я сложил в ящики стола. На пол мы постелили несколько ковров из кладовки, и он стал почти ровным. Снимок широкого заснеженного проспекта я повесил напротив входа – как в комнате у художницы. Постельного белья у меня так и не было – я спал, завернувшись в плед.

Как и в другие дни, я проснулся от голубиных разговоров.

Сегодня они были намного тише и спокойнее – как и я, потому что за окном было пасмурно и накрапывал легкий дождь; наверное, она скоро придет с горячими булочками. Я встал и пошел в кухню-ванную. Точнее, просто отошел от кровати на три метра в сторону мойки и плиты, поставил чайник на огонь и открыл воду на полную. Я умывался и думал о «преlestях» моего нового жилища. Вчера она спросила:

– А почему ты выбрал другую квартиру? Ведь я так старалась найти у моря... Наверное, ты решил остаться поближе к собору и этой своей художнице?

Тогда пришлось рассказать ей о том, как я опрометчиво доверился мошенникам. Она очень расстроилась и невидящим взглядом уперлась в потолок.

– Ничего, закончу с картинами, и зальем это горе текилой! – На этих словах она улыбнулась сквозь слезы, но продолжала смотреть вверх...

Я услышал стук в дверь и открыл. Она наполнила комнату легким запахом духов и поставила на стол пакет.

– Привет! – Она чмокнула меня в щеку и прыгнула на диван.

Я заварил чай. В пакете оказалось масло, горячие булочки и какие-то полотенца.

– Это тебе для умывания, это просто для рук на кухню, а это скатерть для стола. – Она разложила цветастые полотенца по своим, как она решила, местам. Недовольно покосилась на снимок заснеженного проспекта – она знала, где

висит такой же, и я поспешил отвлечь ее.

– Скажи, где ты с утра находишь горячие булочки?

Она обернулась с довольным лицом – оказалось, это секрет. И она мне не скажет. Вот.

– Все, дорогой, я поехала лечить детей. – Она взяла в руки зонт, оставленный у двери. – Когда ты соберешься пить текилу, звони!

Она махнула рукой и вышла. Через полминуты я услышал, как за окном с шумом раскрылся зонт.

В середине дня у меня была назначена встреча с меценатом художницы, а на завтра – собеседование на новый городской телеканал. Признаться, на телевидение меня уже не тянуло, но перебиваться фотосъемками от заказа к заказу тоже не хотелось. Я уже несколько раз общался по телефону с редакторами проекта, их идеи казались мне интересными, хотя в этом городе едва ли реальными. Дождь полил немного сильнее, и я слушал, как барабанили капли по упругому картону фотобумаги....

Столичная зима открыла счет – непрерывным снегопадом занесло все: дороги, дворы, машины, пруд и мосты через него. Снег ложился так плотно, что казалось, будто я хуже слышу. С одиннадцатого этажа виднелась лишь мутная пелена, она скрыла десятки высоток, парк и замерзший пруд. Я смотрел в окно, доставал из пакетов консервы, овощи и другую еду, которую готовят без женщин, – на этой неделе

была моя очередь забивать холодильник, выносить мусор и делать большую уборку. Сосед еще не вернулся с репетиции, в квартире было тихо, я даже не включал свет, только ноутбук тускло светил в темноте. Было почти семь, и рыжая скоро должна была войти в чат. Мы не виделись со школы, точнее, мы случайно встречались потом, уже в университете, но это не считается. Сейчас же возникло какое-то притяжение, интерес – только жила она в нашем родном городе, где всегда было гораздо теплее, чем здесь, у меня. Ноутбук тренькнул, и на экране замигало сообщение «Буэнодиа, детка!». «Привет, рыжая!» – написал я. И добавил: «Ща буду есть. Поужинаем?» Оказалось, она уже приготовила пасту с морепродуктами и ждет меня за столом. Я сострил чего-то о «морепаштетках» и намазал на хлеб пасту из жестяной банки – она заключила, что «не хватает вам там женской руки». Естественно, я тут же пригласил ее в гости, но оказалось, что она просто не имеет права оставить свою детскую поликлинику и бросить на произвол судьбы простуженных мальчишек и девчонок. Я предложил взять их с собой, чтоб покатать на замерзшем пруду. Она ахнула: «У тебя там что, снег идет?», и мне пришлось согласиться с тем, что это должно было стать главной новостью нашего разговора.

Параллельно с этой важнейшей перепиской я обсуждал картины, знаменитых художников и живопись вообще. С их автором я познакомился недавно – на выставке в большом столичном зале. Я издали заметил эту девушку и сразу

понял, что она художница. На ней были широченные вышитые штаны, просторный балахон с орнаментом, а волосы были заплетены в сотню косичек. Может, даже в две. Она несколько лет назад окончила художественную академию и пыталась зарабатывать исключительно своим творчеством, поэтому ей приходилось расписывать стены в ресторанах, оформлять глупые вечеринки, но она продолжала писать. Ее излюбленным пейзажем был вид из окна комнаты на небольшой собор в центре города, и таких картин, написанных в разные времена года, дня и ночи набралось бы десятка на три. Собственно, с них и начался наш разговор на выставке – я назвал улицу, на которой она живет, дом и даже этаж. Конечно, я точно не знал, живет она там или просто выбрала такой ракурс, но каким-то чудом я угадал.

– Мы знакомы? Откуда вы знаете? – Почему-то она не на шутку испугалась.

Пришлось долго ее успокаивать и объяснять, что я запросто узнаю любой вид из любого окна в этом городе. Конечно, я приврал, но как иначе можно унять эмоциональную художницу? Мы разговорились, и оказалось, что она жутко напугана поездкой на выставку, долгой дорогой с картинами, их подготовкой и развешиванием по стенам. Она была просто несчастна из-за всех этих хлопот и массы внимания, которые обрушились на нее в один момент: вокруг ходили люди, обсуждали картины, ругали, хвалили и, что страшнее всего, задавали массу вопросов. Скоро она, будто брошенный ребен-

нок, прибилась ко мне и уже боялась отпустить даже глазами. Я пообещал ей вернуться и помочь снять картины. Она улыбнулась и сказала, что будет очень ждать. С тех пор мы общались почти каждый день – я показывал ей новые фотографии, она рассказывала мне о живописи, я пообещал сделать репродукции ее картин. Хотя куда больше меня радовала мысль о встрече с рыжей, которая тоже ждала меня в гости. Вот с ней мы обсуждали совсем другие фотографии – в основном это были ее фото в купальниках и без. Я писал ей: «А в школе я и не замечал, что ты такая!» Оказалось, что и я в школе был не слишком похож на мужчину ее мечты. И вслед за подобным кокетством она сразу напоминала, что у нее все еще есть отношения, пусть и не слишком удачные...

Я услышал, как открылась входная дверь – сосед-гитарист пришел сегодня рано, дневная репетиция. Скоро у их «звезды» тур, гастроли, летят в теплые края на целый месяц. Он шумно снимал в прихожей верхнюю одежду и обувь.

– Здорово, чего у нас сегодня на ужин? – Он протопал к холодильнику, открыл дверцу и взял с полки сок.

– Колбаса, хлеб – ничего горячего и полезного.

Он, будто опровергая мои слова, положил кусок колбасы на хлеб, сверху сыр, ломтик помидора и отправил это в микроволновку.

«Приезжай, пойдём на море», – написала рыжая. «Приеду, обязательно приеду», – подумал я.

«Хорошо получилась», – это художница о фото девочки

для журнала. Я удачно поймал ракурс, а сочетание среднеформатной камеры с пленочным сканером дало классную картинку даже без модных ныне эффектов. Все уверенно переходило к цифровой фотографии, а я все мучился с пленкой, и она хотела такие же фото своих картин. Я взболтал кофе в жестяной кружке и выпил одним глотком. Мой сосед дожеввал бутерброд, щелкнул кейсом – на этот раз в нем был белый Fender – и, не подключая, начал наигрывать какую-то партию.

– Скоро я услышу это на одном из наших дерьмовых музыкальных каналов? – Я попытался высказаться максимально хамски.

– Да, и еще приедешь на концерт и будешь делать большую передачу в дерьмовое утреннее шоу.

Он тоже был с Юга. Его деревня была в горах полуострова, до моря оттуда можно доехать за полчаса. Он тоже скучал по теплу – и по солнечному, и по простому человеческому. Так уж сложилось, что выбранные нами занятия процветали только в столице – в ином случае едва ли мы променяли бы тепло и покой своих городов на этот холод и холод глаз таких же гостей мегаполиса, приехавших за своей мечтой из всех уголков страны. И различия всех «гостей» оказывались видны здесь как на ладони, все становилось темой конфликтов, потом – громких политических заявлений и дебатов, а такие, как я, позволяли увидеть это каждому. Кто-то хотел воевать, кто-то – делить государство, кто-то всех мирил. Сосед тем

временем выжимал из инструмента блюзовые мелодии, а я выстукивал на пустой кружке слабую долю, мы не включали свет и смотрели в окно, за которым падал снег...

Жара выматывала, водители в пробках сигналили и нервничали по пустякам. Я припарковал машину у поликлиники – это было сложно даже в семь вечера, когда все медсестры и врачи уже расходились по домам, но я нашел место прямо напротив входа. Я поднимался по ступенькам, когда она вышла. Рыжая сменила короткий белый халат на воздушный сарафан, который бесстыдно выдавал все ее тайны.

– Поехали пить текилу, детка! – Я подошел и мазнул ее губами по щеке.

Она вздернула брови кверху и подняла руку, словно вздумала взять скрипичный смычок. Я подхватил ее кисть и повел вниз по ступеням; можно было подумать, мы идем на мазурку. Склонив голову, она требовательно посмотрела на машину. Я нарочито суетливо открыл перед ней дверь, и она так же картинно, приподняв сарафан, присела. Я хлопнул дверью, оббежал машину и сел за руль.

– Да, мэм, отправляемся, мэм. Вы готовы, мэм? – Я пылливо повернулся к ней.

– Езжайте, – не посмотрев на меня, обронила она.

Было жарко, сильно парило, в старой машине не было кондиционера, зато у нее был задний привод и трехлитровый двигатель. Поэтому мы по-хулигански виляли между полос,

она же стойко сохраняла невозмутимый вид. Тогда в один из поворотов я вошел в заносе – скрипнула покрывка, машины и деревья пошли по кругу, она в испуге схватилась за мое плечо и сразу потеряла всю свою невозмутимость. Я довольно заржал, а она принялась лупить меня ладонями по плечам. После нескольких таких виражей мы приехали в центр города и перед текилой решили прогуляться – я оставил машину рядом с заведением, которое ей понравилось. Прошли немного, посматривая по сторонам, повернули за угол и оказались на небольшой площади. Толпы зевак ходили кругами и пялились на недавно открытый памятник. Чуть поодаль группка молодых парней в одинаковой черной одежде скандировала какие-то речевки – судя по всему, им не слишком нравилась эта бронзовая фигура, либо они хотели, чтобы так казалось. За ними, из машины с мигалкой, наблюдали люди в форме.

– Вот ненормальные. Это, кстати, с твоего центрального телевидения их так разогрели, уже полгода с ума сходят...

Я мрачно посмотрел на боевого вида парней, на бородастого типа постарше, который явно был их главарем, и мы пошли к набережной. Сегодня мы должны были как следует напиться – на этот раз я решил, что легких коктейлей не будет, мы ударим по текиле. Поэтому прогулка была стремительной, и вскоре я толкнул двери заведения, которые свободно открывались внутрь и наружу. Бар был круглосуточный – здесь можно было выпить и поесть хоть в пять утра, хоть в

одиннадцать вечера, поэтому двери не закрывали почти десять лет – с первого дня работы, на них даже не было замка! Мы, не думая, заказали куриные крылышки в медовом соусе и бутылку текилы. Я ловил себя на приятной мысли о том, что впервые за долгое время можно было позволить здесь себе все, что хочется: несколькими часами раньше мы сидели с художницей и денежным мешком в его офисе и листали каталог. Художница бурно восхищалась снимками, он доверительно смотрел на нее, а я пил кофе, поданный длинноногой секретаршей, и бессовестно паялился на нее. Каталог и впрямь вышел хороший, я был доволен фотографиями, а она вместе с дизайнером придумала верстку. Оставалось сдать макет в печать. Я назвал сумму, обосновал ее, наш меценат положил на стол стопку банкнот и негромко сказал:

– Запускайте.

Поэтому сейчас можно было пить, гулять и веселиться. Ей, конечно, рано утром на работу, а вот я мог спать хоть до обеда. И мы заказывали еще и еще, и пили, и жевали лимон, и целовались. Уже стемнело, но было жарко, когда начал накрапывать мелкий дождь. Через стекла во всю стену мы видели людей – пригнув голову, они убегали от дождя, ну а мы были пьяны, нам было весело, мы шумели, кусали друг друга, и я хватал ее ноги под столом. Когда я раздумывал, стоит ли заказывать еще бутылку, снаружи слышались крики, и нас оглушил звон разбитого стекла. На другой стороне улицы стояло человек пять в черной одежде военного покроя, в

руках у них были камни. Из-за стойки бара мигом вылетел хозяин заведения – он был в отличной форме, крепкий и коренастый, с пластикой борца. Он на бегу распахнул двери и с лёта врезался в толпу подонков. Они сразу бросились врассыпную, один поскользнулся на мокром асфальте и упал, но тотчас же поднялся на ноги и понесся прочь. Не став никого догонять, хозяин пошел через дорогу обратно в кафе. Когда он почти дошел до двери, над мокрым асфальтом что-то быстро пронеслось – обломок кирпича попал ему прямо в голову, мужчина, вытянув руку, упал. Тут же несколько человек из заведения выскочили на улицу, я, успев проникнуться симпатией к его смелости, тоже рванул к нему. Дождь быстро смывал кровь из рассеченной раны на голове, было видно, как широко разошлась кожа. Мы подняли его на руки, я посмотрел и через несколько кварталов увидел бородатого. Он застыл на мгновение, резко обернулся и побежал. Мы занесли пострадавшего внутрь, отодвинули один из столов и положили его на диван. Полная официантка прибежала с полотенцами и бутылкой водки. Водка плохо лилась через дозатор, женщина в переднике обрабатывала рану.

– Идиоты, воюют с памятниками, но люди, люди при чем? – зло бормотала она.

– А двери, двери без замка... – перепуганно пробормотала маленькая, худенькая официантка и убежала в подсобку.

Я был трезв, хотя мы успели уже допить большую бутылку. Приехали врачи, люди в форме, и оставаться здесь со-

всем не хотелось. Мои контакты записали, предупредив, что могут вызвать свидетелем. Дождь становился сильнее, и мы решили заканчивать вечер.

– Я сегодня останусь у тебя? – Она кротко посмотрела на меня.

– Можно было и не спрашивать. – Я взъерошил ее рыжие кудри.

Покрышки скользили по булыжнику, в свете фар я видел сплошную пелену из воды. Босиком мы пробежали через темный двор, влетели по террасе в коридор, и я открыл дверь. Я нашел для нее сухую теплую футболку, тоже переделся, и мы сразу забралась под плед. Она положила голову на мое плечо, мы лежали в тишине, но сон не шел. Дождь барабанил по картону фотобумаги и хлопал снимками по оконным рамам...

...Я стоял по колено в воде и смотрел на солнце. За спиной громко хлопнула дверь выдавшей виды машины. «Не закрылась», – успел подумать я, как дверью хлопнули еще раз. Раздался характерный звук движения на задней передаче и тарактенье отдаляющегося мотора. Через минуту стало совсем тихо. Я слушал море. Вода не была холодной, она бодрила, и похмелье отступало. Часы показывали раннее утро, но я достал телефон и набрал художницу. Я долго слушал гудки, она взяла трубку и сонным голосом пробормотала:

– Что ты...

– Привет, малая, я тебе звоню из моря!

– Ты здесь... Я сейчас открою...

– Ну я в самом деле из моря звоню. – Я засмеялся.

– Тогда езжай ко мне. Только возьми что-то на завтрак, ты же знаешь – я ничего не ем. – Хотя мы виделись всего один раз, ее безумно впечатлил мой аппетит.

Я вернулся к своим ботинкам, взял их одной рукой и потопал вверх по холодной бетонке. Снежные разводы на обуви здесь, рядом с морем, смотрелись очень странно. Подъем закончился, и я шел уже среди деревьев. Без листвы они казались какими-то кривыми и поникшими, но кое-где набухли почки, пахло весной. Я поднялся к дороге – понемногу на улице появлялись люди, они спешили на работу, студенты стайками шли на занятия.

Я не стал брать машину и пошел пешком. Смотрел по сторонам и впитывал спокойный настрой города. Конечно, все эти люди куда-то торопились, и, наверное, они думали, что все вокруг них – суета сует, но по сравнению со столицей все здесь казалось спокойным и уютным, словно отрезанным от большого мира. С такими мыслями я дошел до старого города. Хотя еще было рано, уже открылись кафе и некоторые заведения отважились поставить столы на улице. Осмелевшие от весны посетители ежились в утренней свежести, но делали вид, что им совсем не холодно читать газету и пить кофе со сливками. Невдалеке показался собор, я повернул было к нему, как вдруг увидел фотопечать. Я пошарил в кармане –

ролик черно-белой пленки был на месте. Зажав его в кулаке, свободным пальцем я потянул ручку двери.

– Здравствуйте, – сказал я и положил пленку на стол.

– «Цэ» сорок один? – с пренебрежением спросила девушка за стойкой. Я подумал, что она не слишком уважает тех, кто фотографирует в черно-белом на пленку для автоматической проявки, и во многом она была права. Видимо, свои кадры она проявляла собственноручно – по крайней мере, ее крашеная, резаная наискось челка и пирсинг над губой выдавали принадлежность к творческой молодежи или, по крайней мере, ее желание такой казаться. Кроме нее в помещении вяло копошились парень с невообразимой прической и пирсингом и девушка с такой же прической и таким же пирсингом.

– Да, и печатайте все, отсматривать не буду. – Услышав это, она скептически приподняла бровь, не отрывая взгляда от своих записей. Думаю, она была уверена, что мои снимки вообще недостойны отображения на бумаге. В самом деле – если щелкаешь на чебэ – это уже некая заявка, претензия на творчество. Какой тогда «автомат»?

– Через полчаса будет готово, заберете, – секунду она помялась, – фотографии...

После этих слов я, видимо, должен был вообще пожалеть, что взял в руки фототехнику.

– Спасибо, – сказал я и вышел из островка творчества.

Пока печатают фото, я решил позаботиться о нашем зав-

траке. Когда-то здесь было два больших продуктовых магазина – теперь же вместо них открылись ресторан, справедливости ради, хороший, большой салон золотых украшений и казино. Вообще, весь путь от вокзала пригородных поездов до центра города был густо усеян игровыми автоматами и магазинами золота. Будто задумано было, что по дороге домой все трудяги должны были потратить свою выручку на побрякушки, либо проиграть в глупые игры. И все же большой продуктовый здесь был, но это тоже было плохо: здоровенный продуктово-бакалейно-и-много-еще-чего-магазин выстроили на месте красивейшего старого дома, который для этого снесли. Я думал о глупости тех, кто уничтожил два магазина в пользу ресторана и казино, а маркет поставил на месте старинного здания – вообще, все это здорово отображало происходящее в людских головах. С такими мыслями я вошел в супермаркет и отправился в колбасно-мясном направлении.

Спустя полчаса у меня в руках был большой пакет, из которого торжественно выглядывала бутылка сидра, любимого напитка моей художницы. Я вновь шел к девушке с пирсингом, и на этот раз настроение у нее было заметно лучше.

– Вот, смотрите, как хорошо вышло! – Она разложила стопку фоток на столе и стала переключивать их. Я словно вернулся в зиму – вот заснеженное троллейбусное депо. Вот заводские трубы, рвущие низкое зимнее небо на части. Вот белка в парке, через который я каждый день ходил на метро.

Еще белка. А вот заснеженный проспект. Блики солнца мерцали на замерзшей мостовой, и машины плотным потоком будто ползли по своим делам. Я понял, какое решение зрело по дороге сюда – я не вернусь в столицу. Там меня никто не ждет. Она взяла в руки снимок заснеженного проспекта:

– Этот вообще хорошо получился – здесь блики видны ярко, без потери нужных деталей, и в темных частях все видно хорошо, – ей и в самом деле нравился снимок, – а с цветом пришлось немного подстроить, на «автомате» все немного ушло в зеленый.

– Спасибо за индивидуальный подход. – Я улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. Расплатившись, я вышел и, наконец, направился к собору. Мое решение меняло теперь восприятие улиц, я видел их иначе – похоже, я уже твердо решил, что хочу остаться здесь.

Я подошел к собору. Он не был древним: его построили недавно на месте разрушенного храма, и, хотя это здание было построено из современных офисных материалов, парадоксально, но здесь собор выглядел очень уместно. От площади начиналась улица художницы, которая, как и весь центр, была вымощена булыжником, и я пошел дальше по неровно лежащим камням. Подойдя к ее дому, я безошибочно определил окно, откуда открывается такой знакомый теперь вид на собор. Оно выделялось среди других – его расширили, стекло, видимо, закрывало всю стену, от пола до потолка. Перед входом в подворотню были вкопаны метал-

личные столбики – кто считает, что когда-то к ним привязывали лошадей, а кто-то убежден, что это были тормоза-отбойники для повозок, въезжающих во двory. Теперь же эти свидетели прошлых столетий и шумной жизни доходного дома стояли покосившись, заброшенные. Через подворотню я вошел в мощный камнем двор и невольно задрал голову – в нужную дверь вела винтовая лестница. Я поднялся на третий этаж и увидел несколько звонков, подписанных фамилиями жильцов – судя по всему, квартира сдавалась по комнатам. Я отвернулся от двери и достал телефон, набрал ее, пошли гудки. На перилах лениво разлегся кот – скоро сюда должно было прийти солнце, и он, выжидая, занял удобное место. На том конце сбросили вызов, и я услышал, что за дверью что-то происходит. Щелкнул старый замок, художница смотрела на меня и улыбалась. Она не выглядела сонной, и в просторной рубахе, которая почти скрывала коротенькие ярко-зеленые шорты, выглядела просто и очень свежо. Она бросилась мне на шею, и тонкие косички хлестнули меня по лицу.

– Ты приехал! – Она начала прыгать на месте, я подхватил ее свободной рукой за талию и внес в коридор. Открылась дверь напротив, из-за нее показался мрачный полноватый дядечка. Он угрюмо глянул на меня и демонстративно хлопнул дверью.

– Это конкурент? – спросил я.

– Да нет, нет, что ты. – Она смутилась и начала слезать с

меня. – Идем, идем! – Она потянула меня за руку. – Я покажу тебе свою комнату!

Мы прошли мимо кухни, еще одной комнаты, и она открыла дверь – в стене напротив красовалось окно во всю стену, вплотную к стеклу стояла низкая кровать, буквально «матрас на ножках». Первое, что она видела, открыв глаза утром – собор за окном. Летом – в окружении зелени, зимой – в снегу, осенью и весной – еще как-то, но каждый день. Сколько раз я смотрел на его изображения! Сейчас утреннее солнце освещало острые купола, на площади вокруг собора гуляли люди, а дальше за ним открывался вид на город.

– Нравится? – Она закинула голову назад, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Очень нравится. – В самом деле, вид открывался потрясающий, и я перевел взгляд на нее.

– Садись! – Она пододвинула пуфик и смущенно уставилась на меня.

– Будем пить с утра? – Я достал бутылку сидра и вопросительно посмотрел на нее.

– Да! – Она подпрыгнула на месте и унеслась на кухню за стаканами.

Мимо двери угрюмо протопал дядечка с полотенцем в руках, заглянул и недобро зыркнул на меня. Я услышал на кухне сдавленные голоса, и она вошла в комнату со стаканами в руках, но уже без улыбки.

– Чего хочет этот тюлень? – спросил я.

– Тише, это хозяин, хозяин квартиры... – Она сдвинула брови и умоляюще посмотрела на меня.

– Хорошо, а чего Тюлень хочет? – На этих словах она жжалась и замотала руками.

– Ну он, он...

– Да понял я, что он цепляется к тебе.

– Ну... да. Просто я не могу грубо с ним, он мне дешево отдает комнату...

Я решил пока оставить разговоры на эту тему. Она сидела на кровати, я на полу, мы пили сидр, болтали о картинах, о фото, еще о чем-то. Она спросила:

– Когда ты обратно?

– Не поеду я обратно. – Я сказал это с задором.

– Так ты вернулся?

– Да. Решу только с жильем, и я вернулся. – На этих словах ее глаза стали еще больше.

– Так, так вот здесь! Вот комната соседняя! Он сдает ее! – Она даже подпрыгивала на кровати и от возбуждения говорила обрывками фраз.

– Пообщаемся, – спокойно сказал я и подумал, что мне здесь очень нравится.

– Только надо с ним... с ним поговорить. – Радости в ее голосе явно поубавилось.

– Пообщаемся, – нарочито спокойно повторил я.

Мы допили сидр, и с утра это оказалось серьезной порцией спиртного – я был навеселе, а она заметно опьянела,

поэтому мы решили погулять и где-то пообедать. Я оставил рюкзак, теплую куртку на полу у окна и отправился на улицу ждать ее. Я смотрел на довольную кошачью морду – огромный кот рассчитал все верно, ему не пришлось двигаться, он сидел там же на перилах и грелся на солнце. Открылась дверь, и я поднял голову. Она переоделась – широкие свободные штаны, зеленая рубашка и вязаная жилетка. В столице сейчас пришлось бы одеться гораздо теплее. Она неверными шагами спустилась по винтовой лестнице и чуть не упала в самом конце, но я уже держал ее под руки. Очень хотелось есть.

– Я хочу мороженого! – Слова она старалась произносить очень четко. Мы вышли из подворотни – правее подворотни был небольшой магазин. Мы зашли в него, и она сразу зацепила полку с леденцами – блестящие упаковки посыпались на пол, а мы бесстыдно заржали. Охранник скорчил недовольную гримасу, но настроен был добродушно, и я просто потянул ее дальше. Мы застыли над витриной с мороженым. Она положила руки на стекло и медленно сказала:

– Хочу... шоколадное. В... вафельном стаканчике!

Я с грохотом двинул стеклом и достал из холодильника два рожка, взял мороженое в одну руку, а художницу – в другую. Втроем мы подошли к кассе – я, рожки и художница. Я шлепнул мороженым по прилавку, и продавщица как-то брезгливо рассчитала нас. Мимо леденцов в этот раз мы прошли без приключений, но на выходе она зацепилась за по-

рог, и я опять поймал ее. Мы вышли на улицу, и я разорвал обертки. Она откусила большой кусок и, широко открыв рот, остановилась, дирижируя руками – ей казалось, что так мороженое растает скорее. Так мы и шли – я держал ее за руку, а она болталась рядом с широко открытым ртом. Утро уже сменилось днем, и солнце заметно припекало, хотелось есть, и лучше – горячего супа. Сразу напротив, через дорогу, я увидел дешевую пивнуху, за ней был магазин каких-то постельных принадлежностей, потом магазин взрослых игрушек и заведение с итальянским названием. Выглядело оно многообещающе, и я взял курс на средиземноморскую кухню.

Мы завалились внутрь и расплылись на диване, сделав заказ. Нам быстро принесли сырный суп, какую-то закуску с итальянским названием и что-то еще, что мы нашли в меню.

– Кажется, я протрезвела, но меня еще качает, – смущенно сказала она. – Я сейчас вернусь. – Она перелезла через меня, косички легли мне на руки, и я удивился, какую тяжесть выдерживает ее голова. Я хлебнул еще супа и достал телефон. Набрал номер рыжей и приложил трубку к уху. Пошли гудки, но почти сразу она скинула вызов. «Перезвонит», – решил я и вернулся к супу. Я высыпал в тарелку все оставшиеся сухари и увидел, что косички спешат ко мне из другого конца зала. Она подошла, загадочно улыбаясь, и полезла через меня. Я покачал ее на коленях, она что-то невнятно прогудела и уткнулась в тарелку. Неожиданно выпрямила спину

и, глядя перед собой, негромко спросила:

– Ты уже сейчас остаешься, или еще надо уехать?

– Уже сейчас остаюсь, – сказал я и положил ладонь ей на спину.

– Тогда говори с ним и занимай свободную комнату, – сказала она в пространство перед собой.

Чуть ниже затылка есть такая точка – если на нее положить ладошку, то сразу становится тепло, даже если вокруг мороз и ветер. Я пробрался рукой под косички и крепко прижал ладонь чуть ниже ее затылка.

– Погуляем, поговорю с ним и останусь у тебя.

Мы доели, я рассчитался, и почти трезвые мы отправились гулять по старому городу. Дневное солнце грело не на шутку, я снял свитер и остался в футболке с короткими рукавами, на ней было написано неприличное ругательство, которое могли понять только знатоки испанского языка. Так мы и шли по небольшим улочкам, где автомобильное движение было запрещено, на тротуарах, вымощенных гладкой плиткой, всюду рассекали парни и девушки на роликах. Неторопливо прогуливались пары всех возрастов, парни с собаками, девушки с цветными картонными пакетами переходили из магазина в магазин. Несмотря на будний день, конец недели, разгар рабочего дня, никто здесь никуда не торопился, и казалось, будто главное занятие этих людей – насладиться теплым весенним солнцем и подышать чистым воздухом. Мы дошли до небольшой площади – в самом центре

стояли строительные леса, художница объяснила, что здесь планируют открыть памятник, точную копию снесенного когда-то. Пока была готова лишь площадка, вымощенная гладкими каменными блоками – это по достоинству успели оценить школьного возраста мальчишки со скейтами. Я вдру подумал, что прошло около часа с тех пор, как я набирал рыжую, достал телефон и сделал повторный вызов. Гудки шли недолго, и она опять скинула звонок. Последний раз мы, как всегда, болтали о всяких глупостях в интернете, и она очень ждала моего приезда, поэтому я не мог понять, почему она так себя ведет. Версию о том, что она очень занята и не может взять трубку, я почему-то откинул сразу. Увлечшись мыслями, я заметил, что художница уже в который раз успела повернуть, а я продолжал идти прямо. «Странно, – подумал я, – держится за меня, как ребенок, а дорогу выбирает сама».

Мы нагулялись по набережной, по спускам и подъемам, по широким и узким улицам. Поели шоколадного торта в маленьком кафе и выпили чаю и кофе в большом ресторане. Когда загудели ноги и солнце стало наметать на вечер, мы отправились к ее дому.

– Надо говорить с ним. – Я видел, как она напряглась, когда произнесла это.

– Пойдем! – весело сказал я.

Винтовая лестница привела нас к двери, и художница достала большой ключ.

– Давай порепетируем. – Я отобрал ключ и открыл дверь.

Прямо передо мной стоял полный дядечка.

– Добрый вечер, – сказал я. – А я слышал, вы сдаете здесь комнату.

– Комната не сдается! – пропыхтел он как-то по-тюленьи, перевел глаза на мою подругу и прогнусавил: – Я тебе говорил, и мы договорились!

Я почувствовал, как она съежилась у меня за спиной.

– Командир, а что за проблема – комната ведь пустая стоит? – Я старался не заводиться, чтобы все не испортить.

– Разговор окончен! – Он хлопнул своей дверью.

Она, опустив голову, вошла.

– Я хочу, чтоб ты остался...

– Вот и останусь. – Я обнял ее за плечи и потянул в комнату. Она, насупившись, присела на кровать к окну и повернулась к собору. Почти стемнело, освещение выхватывало самые интересные детали – от этого храм становился еще сказочней. Я понял, почему он так вдохновляет ее.

– О чем вы договорились? Что знакомые парни не селятся здесь? – Я сел рядом с ней. Она мотнула головой, не отводя взгляда от окна. С самого начала знакомства меня поражала ее невозмутимость и некоторая отстраненность. Она будто никогда не переживала всей душой – могла расстроиться, нахмурить брови, но всерьез ее ничто не трогало, будто настоящая она скрывалась где-то очень глубоко.

– У меня есть для тебя фото. – Я встал с кровати и подо-

шел к рюкзаку. Перебрал фотки в конверте и достал изображение заснеженного проспекта. Она аккуратно взяла бумагу в руки, немного наклонила голову, косички посыпались с плеч.

– Я повешу ее здесь. – Она ткнула пальцем в стену напротив. Я ободряюще кивнул, и тогда она подошла к небольшому старому чемодану. Она присела перед ним и щелкнула застежками – доверху он был забит рамками всех цветов и размеров. Деревянные, пластиковые, разборные, клееные, со стеклами и без. Она выбрала самую тонкую из черного металла; рамка была с каким-то секретом, и она сразу смогла повесить фото на стену. Наверное, просто приклеила.

– Вот, смотри, – серьезно сказала она. Я подошел и обнял ее плечи.

– Будем пить еще?

Она поморщилась, повернула голову и посмотрела снизу вверх. Тогда я достал еще бутылку, мы сели на кровать и начали пить прямо из горлышка. Пена попадала в нос, мы смеялись и спорили, кто пьянеет быстрее. Допивали мы ее уже лежа под одеялом. Последний глоток я сделал, когда она тихо сопела у меня на плече. Я повернул голову к окну и смотрел, как передо мной плывет изображение собора.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то барабанил ногой в дверь. Бубнящим голосом автор шума что-то говорил, а судя по тону – даже требовал, но художница и не пошевелилась. Я аккуратно снял ее голову с плеча и выполз из-под одея-

ла. Судя по голосу, это был Тюлень. Он никак не унимался, и я понял, что сейчас лучшее время для разговора. Я снял джинсы, майку, бросил вещи перед кроватью, достал кошелек и открыл дверь. Тюлень замер – я предстал перед ним в красных боксерах и с кошельком в руках.

– Идем на кухню поговорим, она спит. – Я оттеснил его плечом, развернулся к Тюленю спиной и прошел вперед. Его сбила эта инициатива, перед входом я обернулся – он, сгорбившись, послушно семенил за мной. Кухонька была небольшая, но уютная. Стол был застелен цветастой скатертью, в середине стояла полупустая бутылка, в тарелках – остатки селедки и хлеба. Я присел на краешек подоконника и сказал:

– Я снимаю свободную комнату.

– Тебе будет дорого. – Он развернулся спиной ко мне и подошел к мойке. Только сейчас я понял, что он пьян, и, чтоб набраться решимости постучать, он выпил полбутылки. Тюлень начал копошиться в грязной посуде.

– «Дорого» – это сколько? – выделив ключевое слово, уточнил я.

– Двести пятьдесят за одну эту комнату! – прошипел он. Это было и в самом деле дорого, Тюлень сказал так, рассчитывая на мой отказ. Но деньги были. Он копошился перед мойкой и смотрелся очень жалко.

– Идет! – сказал я и открыл кошелек. Тюлень застыл, будто хотел расслышать, как шелестят бумажки. Ему очень не хотелось, чтоб я жил здесь, и он хотел продаться подороже.

– Заплатишь за полгода вперед – живи! – Он повернулся ко мне. С его рук капала пена – будто слюна текла, и все-таки он надеялся, что я откажусь. Я еще раз запустил руку в кошелек и достал стопку купюр. С упругим щелчком резинка освободила деньги, я быстро зашелестел бумажками, срывая каждую большим пальцем правой руки и подавая в левую. Он суетливо вытирал руки полотенцем и шевелил губами. Я отсчитал полторы тысячи и положил на стол. Тюлень схватил их и затолкал в карман штанов. Я пристроил кошелек за резинку трусов и покровительственно обронил:

– Считай, что заселился сегодня!

Я медленно развернулся и гордо, насколько это возможно сделать в одних только трусах, продефилировал в ее комнату. Дверь закрылась, и полоса света уползла обратно в коридор. За окном в специально поставленном уличном освещении виднелся собор. Я достал «Практику» и, не раздумывая много о выдержках и диафрагмах, сделал несколько снимков. Почему-то я не сомневался, что они будут удачными.

Я проснулся рано – художница еще и не думала открывать глаза. Лучи утреннего солнца не доставали даже до окна, но в комнате было уже светло. Я тихонько вышел в коридор, за дверью Тюленя слышались какие-то звуки, но как только я приблизился к ней, жизнь там замерла, будто к чему-то прислушиваясь. Я протопал в ванную, шумно умылся и вышел на кухню. Все, что я вчера взял в магазине, было аккуратно сложено в холодильнике. Я заварил кофе, сделал бутерброд и

пошел посмотреть на свою новую комнату. Она была совсем небольшая, а диван и книжный шкаф делали ее еще тесней, но мне здесь нравилось. «Скоро придется перевезти вещи из столицы», – подумал я. Стола не было, я поставил чашку на пол, откусил кусок хлеба с мясом и подошел к окну. Мне открылась часть собора и вид на итальянское заведение с сырным супом. Я даже не успел пожалеть, что не вижу всех сводов храма, как удары колокола наполнили мое новое жилье. «Бамм», – семь раз сказал собор. Как-то резко потемнело, и по кронам деревьев зашумел дождь, его звук показался мне летним.

Я закрыл глаза и понял почему – шум получался от ударов капель по листьям, которые уже успели появиться на некоторых деревьях, а в столице виднелись лишь голые и черные ветви. Я уселся на пол, подтянул чашку поближе и уставился в окно. «Что ж такое?» – пробормотал я и достал телефон. Рано, конечно, но что делать? Я набрал номер, долго шли длинные гудки, потом она сбросила звонок. На что я надеялся – на неожиданность звонка или ее пребывание в другом часовом поясе за границей? Не знаю, но она так и не перезвонила и не ответила на сообщения. Скрипнула дверь, и я услышал аккуратные шажки босыми ступнями. На мою макушку и плечи легли косички, художница сжала ладонями мои плечи и уселась сзади меня, обвив ногами. Неожиданно я понял, что у нее большая и упругая грудь.

– Доброе утро. – Она поцеловала меня в щеку и продол-

жала разминать мои мышцы. – Как себя чувствуешь? – Я потянул ее руку и обнял ею себя за шею. Она охотно послушалась и опять чмокнула меня.

– Ну как-то не очень хорошо, я бы сейчас погуляла под дождем. – Она тоже повернула голову к окну, где уже шумел не весенний дождик, а самый настоящий ливень.

Мы быстро оделись, не закрывая двери, скользнули вниз по лестнице, пробежали двор по мокрому булыжнику и сразу промокли. В подворотне было темно, а что-то большое преградило нам путь. После дневного света мы не могли ничего разглядеть и потому просто замерли на месте, а наша преграда взмахнула ушами, медленно повела длинной шеей в сторону от нас и захрапела. Глаза привыкли к темноте, оказалось, что в подворотне две кобылы, два пони, и три девочки, все спрятались здесь от ливня, а наше «препятствие» терпеливо дожидалось, пока хозяйка расчешет ее мокрую гриву. Другая девушка курила, задумчиво выдыхая дым в дождь, а третья старалась привязать пони к металлическому столбику перед воротами. «Вот и пригодились», – подумал я, рассматривая чугунный «бочонок». Мы подошли к границе с дождем и посмотрели через дорогу. Напротив, в такой же подворотне, прятались другие прохожие, а по булыжнику мостовой, вперемежку с пузырями воды, бежали люди. Они прикрывали головы пакетами, сумками, но зонтов ни у кого не было. Я почувствовал, как вибрирует телефон, и подумал, что как-то перегорел с желанием видеть рыжую, но до-

стал трубку – на экране мерцал номер со столичным кодом. Я сбросил вызов и обнял художницу, а она уже знакомым движением прижалась щекой к моему плечу. Я представил, как показал бы нас в кино: вид сзади, камера отъезжает назад и вверх, фокус переходит на булыжник и пузыри. Так мы и стояли – смотрели на капли, вдыхали свежий воздух и слушали храпенье лошадей, тогда я уже не сомневался, что за этой весной придет лето и ждать осталось недолго.

...Весна подарила нам еще много таких дождей и вечеров с сидром. Я помогал ей с выставками, она ловила заказы для меня. Я перестал ждать звонка рыжей, да и сам перестал звонить ей. Время от времени к нам заходил пьяный хозяин и рассказывал, что здесь не гостиница и он здесь главный, мы терпеливо выслушивали его и посылали прочь. Художница даже перестала бояться его и один раз обозвала тюленем, после этого он стал еще печальнее, как-то поник и совсем оставил нас в покое. В одну из ее поездок на выставку в столицу я забрал свои вещи и окончательно обустроился в комнате. Заказов к лету становилось меньше, но у меня еще оставались деньги, заработанные на столичном ТВ. Мы купили велосипеды, и каждый день ездили на пляж, и, вообще обленившись, просто перестали работать. Я только иногда доставал «дальномерку», чтоб сделать интересный кадр для себя, а она корпела над очередным изображением собора. Она стала смуглой, подтянутой, начала ходить на какие-то свидан-

ния, а я все же иногда вспоминал о рыжей.

...Дождь барабанил по картону фотобумаги и срывал снимки с оконных рам. Я открыл глаза. Она уехала рано и сейчас выписывала лекарства больным детям, а может быть, просила открыть рот пошире, надавливая чайной ложкой на язык мальчика или девочки. Пора было и мне заняться делом. Вчерашняя встреча с меценатом дала форы надолго, это событие еще надо было отметить с художницей, желательно так, чтоб моя рыжая об этом не узнала – слишком сильно и безосновательно она меня ревновала. Я посмотрел на часы – до встречи на новом телеканале было достаточно времени, чтобы поесть, принять душ и не торопясь приехать на место. Пока у меня был только телефонный разговор с редактором – он предлагал работать в формате, который казался мне не слишком подходящим для родного города: у нас совсем не кипела политическая жизнь. На это он мне возразил, что ближе к выборам забулькает и у нас – в общем, выяснение подробностей мы отложили до встречи.

Я оделся, вышел во двор – на улице было свежо, а дождь заканчивался. Я подошел к машине, открыл ключом. Скоро я должен был ее отдать или купить – товарищ предложил платить частями, и на первый транш средств теперь у меня было достаточно. Я включил зажигание, мотнул стартером – старый автомобиль честно попытался завестись, но ничего не вышло. Звук был нормальный, все системы работали, но

я не сразу заметил значок пустого бака. «Вчера ведь заправлял», – с подозрением подумал я и вышел из машины. Из-под колес тонкой струйкой на мостовую уходила блестящая линия, на свету она переливалась цветами от сиреневого до алого. «В лучшем случае придется заваривать бак, в худшем – искать такой, от той же модели», – подумал я, закрыл машину и пешком пошлепал по лужам на встречу, благо времени было достаточно. Машин было немного, никто не хотел окатить меня струей из лужи, и я спокойно шел вдоль дороги. Я придумывал, какой фильм мы сегодня посмотрим вечером – нельзя же все время только заниматься сексом, и с такими мыслями пришел к офису телекомпании. Я уже видел ее эфир – ничем не примечательные выпуски новостей, сделанные наскоро и кое-как, слабые программы, но меня обнадежили, что это лишь начало, да и гонорар предлагали приличный.

Мы договорились встретиться у входа – редактора и его напарницу я узнал издалека, и они смотрели с улыбкой, выходит, и они поняли, что я – это я.

– Привет, – сказал я и протянул руку.

– Здорово! – сказал редактор и поймал мою ладонь.

Мы поднялись в студию, и для меня провели небольшую экскурсию. В штате пока были только девочки, и парней все ждали как манны небесной. Мне показали камеры, эфирку, познакомили с операторами, а после мы в кабинете редактора заварили кофе. Сначала они повторили все то же, о чем

говорили по телефону – мы не будем делать телевидение с «объективным» освещением событий. Мы набираем журналистов, у которых есть мнение, которые готовы его озвучивать и защищать. Он спросил:

– Вот что ты думаешь по поводу нового памятника?

Отчего-то я был уверен, что мы обсудим эту историю, и выложил им все о вчерашнем нападении на кафе и разбитой голове хозяина заведения, о своей работе на столичном канале и о том, как устал там от идиотской идеи заставлять всех говорить на одном языке и рекламировать всякого рода наци-персонажей.

– А как ты смотришь на то, чтобы давить их информационно, провоцировать, чтоб их глупость становилась виднее? – спросил редактор.

– Так ведь тогда мы становимся как они – очень подлыми и нечестными, – прищурившись, сказал я.

– Так ведь наше дело правое, – ухмыльнувшись, сказал редактор. – Кроме того, нас будут смотреть те, кто разделяет наши взгляды – а таких в городе больше, сам знаешь. А кто не согласен – посмотрит что-то другое. К выборам появится более чем достаточно разного телевидения...

До выборов оставалось более трех лет, и за это время нужно было создать авторитетное СМИ – это уже более серьезным тоном сообщила напарница редактора. СМИ, которое поможет выиграть выборы кому надо. А кому это надо – я узнаю позже. В общем, работы непочатый край, журналистов

с хорошим опытом не хватало, и сейчас требовался костяк, который выработает новый стиль, а затем будет муштровать новых репортеров. Решено было, что свой первый сюжет я сделаю как раз о случае в заведении рядом с памятником.

– Тема сейчас острая, новость свежая и стратегически нам интересна. Сделаешь недельный «итоговый», – заключил редактор, и мы попрощались. Теперь я должен был все разузнать, договориться со «спикерами» и заказать оператора.

Спешки не было, сроку, чтоб разобраться с баком, я дал себе до завтра, потому неторопливо побрел к Феликсу, который обещал мне записать хорошие фильмы. В его приоритете были итальянские и балканские ленты, что для сегодняшнего вечера было ровно то, что надо. Жил он недалеко от моей голубиной квартиры, и я прошел мимо машины. Она была полна моих пожитков – я до сих пор не забрал все вещи; цветной струйки почти не было видно.

Я быстро управился с Феликсом, забрал фильмы, выслушал его восторги по поводу «Роллейфлекса» и даже не стал предлагать выкупить фотоаппарат. Да он бы и не вернул его, а я не жалел – свое предназначение эта техника выполнила. Я созвонился с механиком, он пообещал завтра прислать парня, который решит проблему с машиной на месте. Посоветовал только откатить ее в сторону – вдруг кто окурок кинет? Но я почему-то не волновался и повернул в сторону собора.

После встречи с меценатом художница сунула мне в руку копию своего ключа. На всякий случай. Я открыл дверь и во-

шел, она сидела на полу посреди комнаты и, оттопырив попу, подгоняла края холста к раме. Косички она собрала в тугий пучок, который упрямо старался упасть на холст. Я шлепнул ее по заду, но она сделала вид, будто ничего и не случилось. Тогда я сильно потянул ее за косички к себе, она сразу поддалась, прижалась ко мне спиной, и я почувствовал, как она вздрагивает. Она плакала.

– Что ты, малая, что такое? – Я резко повернул ее к себе. Она будто стекала по моим рукам, лицо исказила неприятная гримаса.

– Ты теперь будешь жить с ней? – Последние слова она еле смогла произнести, ее душили слезы.

– С кем «с ней»? Я один живу – ты же знаешь, мне не хватает денег, а Тюлень ждал не дождался выгнать меня!

– Ну ты бы мог заработать, если б хотел, – протянула она.

– Так я же и стараюсь, вот работаю!

– Забери меня к себе! – то ли прокричала, то ли выплакала она.

– Ну как, я же говорил, там очень плохая квартира, даже в туалет не сходить нормально!

– Я хочу тебя, мне не нужна никакая квартира. – Она будто старалась спрятать голову в пол, а я не мог удержать ее на руках.

– Ну что ты, я не думал, мы ведь... Ты же на свидания с кем-то ходила! И когда уезжал, ты хохотала и ничего не говорила! – Я был поражен.

– Я думала, ты квартиру для нас искал и мы переедем... Я не хочу на свидания, я тебя хочу!!! – прокричала она.

– Ну я же...

– Ты сейчас с ней, со своей этой рыжей, да? – Она вско-
чила, туго натянутый холст треснул под ее ножкой. – Ты же
спишь с ней, да? – Она кричала во весь голос. Я никогда не
видел ее такой, она будто первый раз открылась по-настоя-
щему.

– Да, у меня есть с ней определенные отношения. – Я ста-
рался подбирать слова, но это было бесполезно.

– Уходи, пошел вон отсюда! Не приходи! Мне не надо! –
Она бросилась на постель перед окном и забилась в рыдани-
ях. Я долго старался ее успокоить, она била меня, кусала, я
срывался, кричал...

Я спустился по винтовой лестнице. Мне казалось, будто я
опять начинаю новую жизнь. Мне не хотелось расставаться с
ней, я просил ее звонить, когда нужна помощь, – скоро вы-
ставка, нужно вести переговоры. Она кричала, что справит-
ся сама. Мне было горько, но я ушел, будто из родного дома,
мне казалось, что я буду скучать даже по Тюленю.

Неожиданно я понял, что вряд ли мы продолжим свой
проект – после такого она уже не захочет работать со мной
над каталогами, а помимо денег это было, пожалуй, самым
интересным, что я делал в этом году. Только когда я подошел
к своей квартире и полез в карман за ключами, я заметил
мерцающий телефон – оказалось, я пропустил пять звонков

от рыжей. Я набрал. Она обиженно сказала, что вообще-то уже дома и сегодня не собирается никуда выходить, мы попрощались. Диски с фильмами в кармане расстраивали меня своей бесполезностью – один я их смотреть не буду. Я зашел в магазин рядом и взял бутылку вина. Подошел к машине, открыл – где-то на заднем сиденье валялась коробка с сигарами. Я нащупал деревянный футляр с романтическим названием и достал табачную торпеду.

На бульваре у моря было тихо, я глотал прямо из горлышка, хотя патрули не жаловали таких любителей выпить на свежем воздухе. Бутылка закончилась быстро, в магазине рядом я взял еще пива. И через десять минут – коньяка. Неверной походкой, но уже веселый и свободный от переживаний я двинулся куда-то в сторону центра. Умиленной улыбкой я проводил еще одну патрульную машину, выпустил дым сигары и вдохнул ночной воздух.

Я подумал, что десять лет назад я не улыбался бы при виде патруля, скорее, старался бы остаться незаметным, тогда мне казалось, что они охотятся только на детей. Когда мне было четырнадцать, меня раздели до трусов, непрерывно спрашивая, чем я «балуюсь», сейчас же я вряд ли позволил бы им настолько сильно сократить дистанцию. Хотя предъявить мне претензии, конечно, просто – я смешал напитки в одном из самых опасных сочетаний, и вот – вуаля! – хожу, пошатываясь. Мне даже хотелось, чтоб кто-то ко мне прицепился, чтобы что-то случилось, я искал приключений и, наверное,

именно за ними повернул на неосвященную улицу.

Неудобно было вот так идти по булыжнику, но ведь я специально здесь! Хотя я не понимал, чего ищу, да и видел очень плохо – все расплывалось и немного троилось, – я понял, что подошел к перекрестку. Поверну направо – людей почти не будет и булыжника тоже. Пойду прямо – улицы будут светлее, прохожих больше. После четырех темных и безлюдных кварталов я понял, что мне нужно общество, значит, нужно идти вперед. И все-таки я вновь здесь – на площади перед собором. Я присел на фонтан – здесь всегда было место молодежной тусовки: можно познакомиться с кем попало, говорить о чем вздумается и попрощаться после беседы навсегда. Я уставился на капли и задумчиво разглядывал всех, кто здесь собрался.

– Кто-то рядом курит сигару? – Как-то уж слишком деловито спросила девушка слева. Она была пьяна, и я уже минут десять слушал, как она доказывала двум тихим парням, что разбирается в машинах «лучше всех телок». Обтягивающий сарафан нелепо подчеркивал висящий живот, к тому же она была без лифчика.

– А ну-ка, дай! – Ее рука потянулась за сигарой. Я усмехнулся и протянул ей табачную колбаску. Она демонстративно глубоко затянулась и сказала:

– Ты не умеешь курить сигары!

Я понял, о чем она – ведь я курил почти не взтяжку, пробуя аромат, а когда так куришь, в сигарете остается вся кре-

пость, которую она и почувствовала. «Да пошла ты», – подумал я и решил, что надо ее наказать. Она продолжала грузить пацанов карбюраторами, трансмиссиями и моторами – впрочем, едва ли у нее был свой автомобиль.

– Девушка, ты же так всех мужиков распугаешь, одна останешься со своими моторами! – Я искоса глянул на нее и далеко кинул окурок.

– А ты знаешь, что я скоро выхожу замуж? – зло сказала она, подходя ко мне.

– За кого? За тормоза, который, ни слова не проронив, будет слушать о газе и сцеплении? – Я говорил очень спокойно и ухмылялся тому, как она ведется.

– Да ты вообще видел моего мужа? Да по сравнению с ним ты – урод!

– А я бы не сказал, что я красавец!

Девушка села рядом и подняла сарафан.

– Смотри, какие у меня ноги. Нравятся?

Я поднял сарафан еще выше и пощупал ее бедро. Парни заинтересованно повернули головы.

– Нет, не нравятся, так себе ноги. – На этом я бы мог закончить свое издевательство, но она уже не могла остановиться.

– Да ты вообще знаешь, как я целуюсь? У меня рыжие волосы, зеленые глаза, и я целуюсь лучше всех! Вот смотри!

Она обхватила руками мое лицо и потянулась пухлыми губами к моим. Я отвернул голову, и она нежно поцеловала

меня в щеку.

– Смотри – зеленые у меня глаза? – Не отпуская моего лица, она смотрела прямо на меня – ее глаза и впрямь показались мне зелеными. Я подумал о рыжей и решил, что не буду больше издеваться над ней.

– Да, зеленые у тебя глаза.

– Давай познакомимся. Как тебя зовут?

Она назвалась какой-то глупой кличкой, которую я сразу забыл. Оказывается, все это время парни слева, остолбенеv, смотрели, как девка поднимала юбку и лезла ко мне.

– У меня в сумке есть коньяк, надо его выпить, – доверительно поведала девушка с глупой кличкой. Вообще-то, она уже надоела мне, но я не хотел трезветь. Зрители слева напрыгали, и я предложил отойти. Она сразу схватила меня под руку и потянула в темноту.

Мы быстро допили шкалик коньяку, и она сказала, что ей нужно в туалет.

– Ты хочешь меня трахнуть, – уверенно выпалила она.

– Да, – сказал я и пропустил ее в забегаловку, где за несколько копеек можно было сходить в туалет. Она выхватила из моей руки бумажную денежку и дала продавщице.

– Заберешь сдачу. – Девушка юркнула в темный и грязный проход за прилавком.

Раскрашенная в красное и черное продавщица терла серым полотенцем пыльные стаканы. Я размышлял, прощаться ли с этой нескладной девицей, которую даже начал жалеть,

или уходить прямо сейчас.

– Твоя очередь. – Поправляя сарафан, она выскочила из-за прилавка.

Было жарко, и туалет в этом мерзком заведении нашел бы даже слепой – никогда не ешьте в таких местах, в крайнем случае, если очень хочется дернуть водки, можно выпить рюмки три, не больше. Потому что после нальют неизвестно чего или разбавят водой.

Я быстро вернулся на другую сторону прилавка. Эта шлюха в мятом сарафане уже сидела за столом с двумя парнями. Перед каждым – рюмка с водкой и стакан с соком. Один парень какой-то угловатый, в рубахе не по размеру, второй более собранный, хотя тоже медлительный, к тому же еще и очкарик. Ни хулиганы, ни студенты, так себе – кто-то.

– Идем, мало времени. – Я взял ее за полное плечо.

– Это твоя девушка? Присядь, у нас здесь интересная беседа завязалась, – предложил парень в очках. В их разговоре я разобрался быстро: эта коза доказывала, что майка у парня в очках дороже, что он вообще выглядит солидней, а парень в рубахе похож на босяка. Все трое стали мне безразличны.

– Готов поспорить, – заявила рубаха.

– Дорогой, ты смеешь говоришь мне о времени? – спросил сарафан.

– Выпей с нами, – сказали очки.

– Жду тебя на улице, – сказал мой голос.

На улице было свежо – я посмотрел через дорогу и увидел

вход в подворотню, где когда-то с художницей мы встретили лошадей. Оказывается, я был настолько пьян, что не узнал пивную, мимо которой проходил каждый день. Я подумал, что мои приключения на сегодня окончены, и посмотрел в сторону теперешнего дома. Огни расплывались в глазах, я пошел по темным улицам, можно было вновь пройти мимо собора, но мне не хотелось, и я повернул в тихий переулок. На меня накатила тоска, было горько и грустно, я медленно перебирал ногами, путаясь и спотыкаясь на булыжнике.

– Слышь, есть вопрос!

Я обернулся и увидел три силуэта. Один из них пошел быстрее и припустил за мной. Я опустил правую руку в карман и нащупал диск с итальянским или балканским фильмом. Средний палец я просунул в отверстие и прижал край к основанию ладони, чтоб кромка диска торчала наружу, достал из кармана и ускорил шаг. На мое плечо опустилась рука и постаралась развернуть. Я поддался усилию, добавил движения и широким взмахом от плеча полоснул по чьей-то щеке острием. Сила высокого кинематографа была очевидна – он завершал, схватился за лицо и согнулся. Двое с разбегу кинулись на меня, я сразу скатился назад на спину, чтоб исключить падение, и отбивался ногами лежа. Это были не спортсмены, уличные хулиганы, поэтому они не успели сразу меня убить.

– Что, сволочь, давай, давай! – кричал я одному, стараясь захватить его ногами, другой заходил к голове, но я вертелся,

закрывался руками и уходил от его ударов.

– Стой, стой! – крикнул тот, что за моей головой, и его голос показался знакомым. Силуэт у моих ног прекратил свою атаку.

– Фок? – Я убрал руки от головы.

– Да, Фока, Фок! Вставай, хулиган пьяный! – Фока протянул руку и помог подняться.

– Это не я хулиган, это вы хулиганы! – очень спокойно заметил я.

– Ну, жизнь-то идет... – как-то не очень по делу заметил Фока.

– А с ним что? – Я махнул головой в сторону раненого.

После недолгого общения парни постановили, что они «обознались», им нужен был внутренний вердикт, формальность, которая позволяла погасить конфликт. Поэтому сейчас Фока изображал крайнее расположение ко мне, чтоб оправдать себя перед сообщниками – ведь нельзя прощать такое кому попало! Я предложил отправиться в травмпункт – ближайший был в парке у моря – и зашить разорванную щеку – «хлопоты беру на себя». По дороге нас остановил один патруль, но Фока похохотал с ними, рассказал забавную историю, и мы пошли дальше. Нельзя сказать, чтоб раньше мы были особо дружны, хотя жили рядом и часто общались. Еще в детстве Фок «пошел по хулиганке» и сейчас выглядел не слишком привлекательно – был высушенный, тощий, в шрамах, но ум его был острым, а характер независимым.

Мы обсуждали знакомых, которых больше никогда не увидим, вспоминали свой небольшой двор и уже в самом деле общались как добрые знакомые, которые не видели друг друга много лет...

Светало, мы стояли в парке, один из хулиганов, со скобками на щеке, заклеенными пластырем, угрюмо посматривал в сторону.

– Ну – по рукам! – Фока широким движением махнул ладонью в сторону, и я с хлопком поймал ее своей.

– Без обид! – Я протянул руку раненому.

– Без обид! – угрюмо, но честно подтвердил он.

Мы попрощались, Фока с товарищами двинулся в сторону центра, а я спустился к морю. Жилетка была разорвана, правый кроссовок тоже, штаны – грязнее некуда. Я завалился на холодный песок и смотрел на волны. Нужно было разбираться с машиной, снимать сюжет, у меня начиналось похмелье, я не спал всю ночь. Зато голова была свободной от переживаний – кажется, я и в самом деле добился, чего хотел. Поэтому я подышал еще немного утренним морем, поднялся в парк и в круглосуточном ларьке купил бутылку минеральной воды.

Я шел по утреннему городу, навстречу людям, которые спешили на работу. Солнце начинало согревать, и я снял изувеченную жилетку. Я подошел к дому, открыл машину и почему-то оставил жилетку на заднем сиденье. Прошел во двор, поднялся по террасе и ввалился в квартиру. Сразу за-

хотелось спать, но я помылся очень горячей водой, долго оттирая себя мылом и губками рыжей, и тогда завалился под плед. Я отключил телефон, поставил будильник на три часа сна. Голуби о чем-то громко спорили, машины непрерывно мчали по брусчатке, но я уснул сразу.

Три года назад я напоил ее так, что мы делали это прямо на песке. Четырех-пяти коктейлей и встречи после долгого ожидания оказывается достаточно, чтоб поверить в любовь. Или действительно влюбиться? Я гнал от себя эти размышления. Времени катастрофически не хватало, а сделать надо много. Интервью лидера ждала столичная газета, мы не успевали с правками, фотография была неподходящей. Через полчаса начиналось очередное мероприятие, девочки уже все подготовили на месте, и я должен был выезжать. Журналисты с телевидения просили согласовать сюжет, а ролик все не приходил на почту. Секретарь настойчиво ждала рядом с бумагами в руках, а я заканчивал разговор с жителями одного из дворов центра – на их территории какие-то приезжие незаконно построили то ли автомагазин, то ли автомойку. Мозг кипел от жары и перегрузки, я старался скорее попрощаться и в то же время остаться вежливым. Я положил трубку, и секретарь сразу обрушилась на меня:

– Вот здесь надо подписать – мы заказываем новый принтер. Так, да. А это – заявка на подарок обществу инвалидов, медтехника, там согласовано, заявка должна быть от тебя.

Я наспех просматривал бумаги, но внимательно слушал. Посмотрел на часы и понял, что уже опоздал – похоже, и сегодня я остаюсь без обеда, в машине лежат яблоко и бисквиты, придется так.

Я мчал в центр, отвечая на телефонные звонки. В пиджаке было жарко, я бросил его на сиденье рядом, рубашка была с короткими рукавами, и так, без «верха», с галстуком, я выглядел весьма глупо. Но меня это интересовало мало, я жевал яблоко, старался спокойно разговаривать по телефону, переключал передачи и смотрел по сторонам. Я подумал о том, что на улицах вижу все больше девушек, возраст которых определить не могу. Глядя на их фигуру, я скорее мог бы сказать, сколько они весят, но девятнадцать им или двадцать пять, уверенно сказать я уже не мог, зато теперь я весьма успешно отличал тридцать пять от тридцати двух. У меня появилась привычка часто проводить рукой по голове – новая стрижка. Чтоб наметившаяся лысина не бросалась в глаза, я просто снял машинкой все волосы, и теперь щетина приятно щекотала ладонь. «Видимо, эти явления взаимосвязаны», – заключил я насчет девушек и лысины.

Площадка перед пресс-центром была забита людьми – меня уже предупредили, что политические оппоненты вывели на улицу студентов, а они изображали из себя возмущенных демонстрантов, и я подъехал со стороны небольшого переулка. Припарковал машину, накинул пиджак и пошел ко входу в пресс-центр. В толпе я уловил волнение и поймал взгляд

бородатого. Он кивнул, и я ответил – это было похоже на рукопожатие боксеров перед поединком. Мол, «ничего личного, только спорт». Он был наемником, и я это понимал, но в свои ряды он собирал идейную молодежь – они были готовы к уличным столкновениям и провокациям, в отличие от «студентов за деньги». Второй год я видел их в работе – пока ничего серьезного они не сделали, только несколько человек успели «сесть» в сомнительном статусе политзаключенных, а наш оппонент – давно знакомый мне политик-националист из столицы – активно их поддерживал и заявлял о «репрессиях», проще говоря, использовал их. Полицейские в форме старались сохранить какой-никакой порядок, обеспечивая «коридор», в толпе сновали журналисты с камерами и фотоаппаратами. Я уже представлял кардинально противоречивые сюжеты: одних каналов о том, как на улицы в защиту национальных интересов вышли граждане, других – о «проплаченной» демонстрации и политических провокациях. Уже у самых ворот я уловил некоторое замешательство – из-за ажурной решетки персонал пресс-центра что-то оживленно доказывал моим коллегам.

– Привет! Что здесь? – прокричал я через толпу нашему социологу, который, держась рукой за большие ворота, автоматически их покачивал.

– Да вот, смотри – кусачки большие ищем! – На воротах красовалась цепь, протянутая через решетки обеих створок.

Звенья цепи были скреплены массивным амбарным замком. Раздался звонок, я посмотрел на трубку – лидер.

– Ну что там? Открыли? – Он был в курсе ситуации и звонил, видимо, всем кому мог. Было слышно, что он на нервах.

– Нужно перепилить цепь, ищем инструмент, – отработал я, не имея на самом деле никакого понятия о происходящем.

– Давайте, давайте, сколько можно ждать!

– Да не волнуйтесь, без вас не начнут, – прокричал-пошутил я.

– Ну, давай скорее!

Те, кто остался внутри, вели себя нервно, кроме одной съемочной группы – их, похоже, предупредили обо всем и поставили задачу. Какую – было непонятно, но они установили камеру так, чтоб видеть все происходящее перед пресс-центром, и вели себя расслабленно. Они чего-то ждали, я почувствовал, что волнение шефа передалось и мне.

Через какое-то время один из бойцов нашей службы безопасности принес кусачки с метровыми лапками – легким движением он прижал цепь, и звенья жалобно звякнули об уличную плитку. Цепь тотчас же потащили «на сувениры», и начался какой-то переполох, люди в форме стали оттеснять митингующих и зевак, оставляя проход свободным. Я набрал лидера.

– Ну тут суматошно немного, можно идти...

Появилось несколько парней из нашей безопасности, они

пошли между людей, и я поймал взгляд бородатого. Он отвернулся и начал раздавать команды. Я понимал: что-то должно произойти и камера сзади должна снимать это. Я закрыл спиной объектив, оператор начал что-то кричать мне, я не реагировал. Тогда он снял камеру со штатива, чтоб снимать с рук. Вслед за СБ, в окружении личной охраны, пошел шеф. Едва он дошел до середины людского коридора, бородатый крикнул что-то невнятно, из толпы полетели яйца, помидоры и какой-то мусор. Охрана мгновенно открыла зонты и, прикрывая шефа, ускорила к входу в пресс-центр. И уже на самом подходе к воротам из толпы в их сторону метнулись два коренастых молодчика. Сразу затрещали мелкокалиберные револьверы службы безопасности, нападавшие покатались по полу, а шеф с охраной пронеслись через ворота. Охранники парами поднимали с тротуара нападавших, выкручивали им руки и тащили к стене. Одного поставили в угол арки, второго уткнули головой в стену. Толпа бушевала, журналисты снимали крупные планы. Обыск показал, что нападавшие были безоружны, и один из охранников озвучил общие мысли:

– Провокация, а что делать... Вдруг ствол...

Плененных передали полицейским, которые уже вызвали подкрепление. Они с трудом удерживали митингующих, бородатый подогревал их своими выкриками.

– Сволочи, ответите за то, что в людей стреляете! – брызжа слюной, прокричала мне девочка с красными волосами,

бородатый размахивал руками, будто задавая ритм гребцам на галере.

Я поднялся в пресс-центр. Перепуганные девочки набросились с расспросами – они слышали хлопки. Часть стекол в окнах была разбита. Я отшутился, убедился, что все готово, и направился ко входу: охрана попросила «отфильтровать» журналистов, чтоб не пропустить в зал провокаторов. Я показывал тех, кого знаю в лицо, их пропускали, у остальных проверяли документы. Многие гости отказались участвовать в круглом столе, поэтому все как-то само собой превратилось в пресс-конференцию лидера.

– Связываете ли вы эту провокацию с выборной кампанией оппонента? – Это вопрос от нейтральной газеты. Сам журналист открыто симпатизирует нам.

– Да, несомненно – мы вновь увидели те же лица, тех же «полевых командиров». Вопрос один – почему они до сих пор на свободе, а не там, где им следует быть? – Шеф был на эмоциях, но это нисколько не мешало, напротив, его ответы были емкими, журналисты ловили каждое слово.

– Вы отдали приказ стрелять: вы считаете правомерным стрелять в безоружных людей? – Этот вопрос задала девочка с красными волосами. Она представилась журналистом одного из информационных агентств, организованных специально для противостояния с нами.

– Действия охраны я расцениваю как исключительно профессиональные: я жив, здоров, отвечаю на ваши вопросы. А

вот с нападавшими следует разобраться – кто сделал заказ, было ли это покушение на убийство или очередная провокация.

Еще несколько журналистов хотели задать вопрос, началась суматоха, и я вышел к столу, показывая, кому сейчас говорить. Минут за десять они задали основные вопросы, и, чтоб не размывать внимание и оставить какой-то градус накала, я показал шефу глазами, что лучше заканчивать. Он решил не говорить ничего напоследок, я поблагодарил коллег за вопросы и объявил об окончании прессухи.

Пока мы работали в пресс-центре, толпу оттеснили в сторону, и машины шефа подъехали к самому входу. Он уехал без ненужных историй.

В принципе, от события мы получили все, что нужно: громкое обсуждение имени шефа, – и это было главным. Пусть журналисты повторяют, что им приказано, – это будут пустые усилия: наших сторонников они не переубедят, новых нам и не надо (спасибо, социолог все разложил по полочкам), а громкое событие, новый скандал пойдет только на пользу. Понимали это и другие журналисты, пусть и несколько по-своему. Ко мне подошел сотрудник пресс-центра:

– Надо бы стекла вставить, а то как это, разбили все. Нужно считать...

Он был уверен: все это – наших рук дело, «скандальчик», организованный нами. Поэтому он требовал внести расходы на окна в «бюджет пиар-кампании». И хотя я понимал, что

шеф мог дать эти деньги, я достаточно грубо отказал. Обитатель пресс-центра жутко обиделся и ушел куда-то в сторону кофемашины.

...Я поднимал голову, делал вдох, подтягивал ноги к груди и уже под водой, распрямляясь, с силой выдыхал. Из меня вылетали мысли, и не только о сегодняшнем случае. Вчера я видел рыжую в ночном клубе – я сидел на втором этаже, смотрел сверху вниз. В зал вошел бородатый. Придерживая дверь, он пропустил внутрь ее. Рыжую. Придерживая под руку, проводил к столу. У меня заколотилось в груди: не мог понять своих чувств – во мне проснулась жгучая ревность, которая просто уничтожала меня. Шел уже второй год, как мы расстались, но иногда встречались, чтобы покричать друг на друга или заняться сексом, а последние полгода мы и вовсе не виделись. О бородатом я уже знал многое – он не был простым уголовником. Имея смутное прошлое в нескольких вооруженных конфликтах, он работал на заказ в «уличных» кампаниях и при этом зачастую умудрялся обмануть заказчика и своих соратников. Нынешняя его работа была подрядом от совета города, большинство в котором поддерживало нашего оппонента.

Я смотрел, как он ухаживает за ней, подает меню и внимательно заглядывает в глаза. Музыка начала играть громче, официант принес им напитки, бородатый наклонился к рыжей, что-то быстро проговорил и пошел к выходу. Она села прямо и, будто осваиваясь, смотрела по сторонам. Я на-

брал номер и слушал гудки, рыжая смотрела куда-то вверх, но потянулась рукой к сумочке и достала телефон. Глянув на экранчик, она чуть склонила голову, поднесла телефон к уху и прокричала:

– Привет, у меня тут музыка кричит!

– А этот бородатенький ничего!

– Не слышу, повтори! – прижимаясь к телефону, прокричала она.

– Бородатый этот твой – ничего мужик! – проорал я.

– Ты что, где-то в клубе? – Она начала вертеть головой по сторонам.

– А ты вообще знаешь его, в курсе, чем он занимается?

– Ну, говорил – где-то тоже в политике вашей, а в чем дело вообще?

– Я вот не уверен, что это хороший вариант, слишком уж сомнительный персонаж и занимается он подлыми вещами. – Я почувствовал себя отвратительно хорошим мальчишкой, который только возбуждает в девушке интерес к хулигану.

– Просто если бы ты хотел быть со мной, то мы были бы вместе, не надо мне рассказывать, с кем и куда ходить. – Похоже, ей доставляла удовольствие эта своеобразная месь.

– Пойми, я беспокоюсь, чтоб ты не попала в какую-нибудь историю! – Я неожиданно понял, что помимо ревности и впрямь испытываю беспокойство за нее.

– Дорогой, ты знаешь, мне кажется, это бессмысленный

разговор!

– Послушай, помнишь, как мы пили текилу в... – На этих словах я услышал гудки, мгновением раньше увидел, как она прячет телефон в сумочку. Я хотел напомнить ей о ночном нападении на бар и вновь набрал ее номер, а она спокойно смотрела перед собой и не брала трубку. Я старался контролировать себя, но меня захлестывало бешенство. Открылась дверь, и бородатый вернулся на свое место. Она развернулась к нему и торжественно, будто принимала приглашение на танец, протянула руку. Бородатый взял кончики пальцев и поднес ее ладонь к губам.

Я понимал, что этот спектакль рыжая разыгрывает для меня, но игнорировать все происходящее не хотел – рано или поздно бородатый мог втянуть ее в какую-нибудь дурацкую историю. А она, похоже, уже вошла во вкус и не собиралась останавливаться. Я оставил деньги на столе и сквозь толпу начал пробираться к выходу. Она не видела меня, но через головы и руки я не отпускал взглядом их стол. Она хохотала, била его ладонью по плечу – а я слишком хорошо знал все эти движения. Он держался солидно, сдержанно кивал головой и отвечал ей легкой улыбкой. Я вышел на улицу, пересек парковку и сел в машину. Я слушал мотор и старался успокоить свои мысли, от напряжения разболелась голова. Может, я просто привык, что рыжая принадлежит только мне? Я вспомнил, как серьезно она попросила то, чего я все-таки не дал...

...Я равномерно разгребал руками воду, отталкивался от стенки бассейна и плыл обратно. Монотонность нагрузки снимала нервное напряжение, и я переключил мысли на работу. Срочных дел не было, я хотел поехать к людям, которые звонили днем. Секретари отобрали это обращение из десятков других и вручили мне его, как только я приехал в офис, – эти женщины чутко реагировали на чужие проблемы и обиды.

В центре города, в одном из самых старых кварталов, приезжие дельцы захватили общественное помещение с тем, чтоб организовать там автомойку. Операцию провернула этническая силовая группа, которая немного помяла местных жителей. Эти бандиты славились своей жестокостью и крепкой поддержкой соотечественников. Нужно было разобраться, впутываться ли нашей команде в эту историю. С одной стороны, помочь горожанам хотелось, с другой – нужно было понимать, ради чего мы должны работать вместо полиции и судов. В подобных ситуациях они бездействовали, а лобби у этой этнической группировки было крепким, расчетливому и циничному лидеру понадобились бы веские причины, чтоб ввязаться в эту, на первый взгляд, мелкую заварушку, сулившую крупные разборательства. Но район был целевым, мы уже входили в выборную кампанию, поэтому сомнений в нашем участии в этой истории у меня не было.

Когда я начал работу на нашем городском телеканале, я твердо уяснил главное правило журналистики: не оставлять чистую чашку в редакции новостей. Иначе, в лучшем случае, ее можно найти в эфирке с потеками кофе и полную чайной жижи – это если повезет.

Жизнь кипела. Коллектив телеканала неуклонно разрастался, организация набирала обороты. Идея нарочитой скандальности оказалась успешной: канал стал самым популярным в городе, слово, сказанное в эфире, имело вес. Критика в адрес чиновника могла послужить приговором его честному имени, однако набор телепрограмм не приносили в жертву общественно-политическому тону телеканала, десятки развлекательных передач разбавляли жесткие сюжеты. В сложные периоды городской жизни, например во время редких снежных заносов, телеканал превращался в штаб спасения – координировал в прямом эфире усилия добровольцев и служб города, и тогда специально выпеченная хлебозаводом партия булок отправлялась с клубом любителей внедорожников в отрезанный непогодой район.

Когда скандалов не было, приходилось их создавать. Однажды я отправился на весьма заурядное событие – плановое заседание какого-то отдела совета города. Руководила отделом женщина лет пятидесяти, из тех, кто поддерживал националистов – собственно, потому-то я и поехал на эту съемку. Я хотел разговорить ее, раскрыть ее агрессию, показать ее настроения – без моей «помощи» она бы этого делать не

стала. Кто-то должен был вызвать огонь на себя, и в напарники мне откомандировали лидера одной из групп антинаци. Лидер был слаб морально и физически, и я совсем не удивился, когда ему мгновенно закрыли рот, хотя он должен был сорвать заседание. Активист бессильно хлопал глазами и многозначительно смотрел на меня. Я злился, но не хотел уезжать отсюда без хорошей «картинки», поэтому решил дождаться окончания совета. Когда же повестка дня была пройдена, наша цель согласилась на краткий разговор с журналистами. В общем хаотическом потоке, щелчках застежек портфелей и стопках бумаги, бьющих торцами о стол, были видны штативы камер и микрофоны, которые стекались к одному столу. Я шикнул на оператора, чтоб занял место получше, и, раздвигая поток чиновников и их причиндалов, прорвался к своему незадачливому провокатору.

– Сейчас спросишь ее, почему она тратит городские средства на политическое движение, симпатичное лично ей, понял? Перебивай всех и задавай вопрос, понял? – Я жестко запрограммировал героя сегодняшней сцены и за рукав потащил его к столу, где начальник отдела уже отвечала на первый вопрос. Я продвинул его в первый ряд журналистов, поймал несколько взглядов, полных неудовольствия, и подтолкнул его еще разок.

– Извините, позвольте, – срывающимся голосом проблеял функционер, однако она прервала свою речь и все же повернулась к нему. – Почему вы тратите городские средства на

симпатичные движения?

Журналисты бессовестно заржали, а она не моргнув глазом спросила:

– У вас все? В таком случае я продолжу.

«Провокатор» стоял, не зная куда деваться. Выдержав какое-то время, он начал протискиваться обратно с таким видом, будто он – это не он, а все журналисты пропускали его как-то очень аккуратно, будто и впрямь он – это был совсем не он, а минуту назад никто и не смеялся.

– Ну, что делать? – Функционер смотрел на меня как побитая собака.

– Будем ловить на отходе, – пробормотал я.

Мы вышли в коридор, поджидая на выходе из зала, оператор стоял наготове.

Журналисты еще собирали свои технические пожитки, когда она показалась в дверях.

– Вы слышали, что вам сказал этот человек? – Я сразу сунул микрофон ей под нос.

– Почему я должна комментировать какие-то глупости? – вполне резонно заметила цель. К счастью, мой провокатор завелся, либо в коридоре, где было меньше народу, он почувствовал себя свободней.

– Потому что вы тратите наши деньги на преступления! Чему вы научите молодое поколение, оно готово только ругать и ненавидеть, а вы, вы, со своими идеалами...

– Знаете что, вы сейчас похожи на клоуна в цирке! – уже

немного нервно сказала она.

– Да мы вам, мы вам не позволим, не дадим! – Щеки функционера налились багровым, он начал надвигаться на нее. – Я не позволю, чтоб вы продолжали делать свои пакости!

– Да кто вы такой вообще? – уже гневно прокричала она. – Немедленно покиньте помещение, я позову охрану! – На этих словах к нам направились двое людей в форме.

– Помогите ему выйти отсюда, – сказала наша жертва, и двое охранников поволокли дрыгающего ногами провокатора к выходу. Я в это время пристально следил за картинкой в дисплее камеры. Когда троица исчезла за дверью, я щелкнул пальцами и бодро сказал:

– Стоп, снято!

В эфире все выглядело следующим образом.

Диктор в студии. «Скандалом закончилось заседание отдела управления внутренней политики при городском совете. Председатель постоянной комиссии отдала распоряжение охране выдворить участников, которые не разделяют ее личных политических взглядов. На месте события побывал и наш корреспондент». Симпатичное лицо диктора сменилось первым кадром сюжета: перекошенная физиономия женщины, ее крик «Да кто вы такой вообще! Немедленно покиньте помещение!», далее двое в форме волокли несчастного. Камера крупно выхватила дубинки на их поясах и высокие армейские ботинки. Когда кадры насилия сменились возмущенным интервью этого растяпы, я услышал голос главного

редактора:

– А ты говорил не выйдет, журналист-скандалист!

Мы стояли на кухне перед телевизором – те, кто успел смонтировать свои сюжеты, и выпускающий редактор. Минутой назад вошел и главный. Я, увлеченный своим сюжетом, его не заметил.

– Да, как-то я не слишком верил в это. – Мы пожали руки и уставились в экран. Большинство сюжетов были собраны по той же схеме, и в целом выпуск новостей напоминал день из жизни вольного города, оккупированного силами зла.

– Но ведь ты же ее три часа, наверное, раскачивал, пока она так начала верещать, – с неудовольствием проговорил спортивный репортер. В отличие от других «спортсменов», всегда жизнерадостных и веселых, он был угрюм и мрачен.

– А что, от этого ее политические взгляды стали другими? – Главный редактор не дал мне ответить.

– Нет, но все ведь было не так...

– А мы здесь не для того работаем, чтоб показывать, как все было, понятно? Я ко всем обращаюсь! – довольно резко продолжил редактор. – Мы здесь боремся, воюем, если угодно!

– Ну все-таки это провокация, ведь неправильно так, – аккуратно вставила журналистка, миловидная блондинка с небольшим опытом работы.

– Да, провокация, но провокация в данном случае – лишь способ вскрыть существующий нарыв. А то, что делает эта

чиновница, то, что она лоббирует – нарыв! Кто не согласен, может сейчас же увольняться! Потому что мы только начинаем, мы только набираем высоту, дальше будет жестче! Тот, кто не разделяет редакционного мнения, не сможет работать здесь, подумайте хорошо об этом! Я как раз собирался провести собрание на эту тему, – сказал он, глядя на двери, в которые на кухню протискивались журналисты и операторы, заинтересованные криком начальника. – Никто не заставляет вас перекручивать факты или врать в эфире. Я говорю о том, что вы должны высказывать собственную позицию, если она у вас есть, конечно. И здесь я оставлю только тех, кто разделяет редакционную. Если вы думаете, что бывает какая-то объективная журналистика, – он скривился, произнося эти слова, – то я вас разочарую – ее не бы-ва-ет! Во-первых, вы люди, а не счетные машинки, ваш взгляд и мнение субъективны априори! Поэтому передать все достоверно вы не сможете никогда. И даже подбором сюжетов, которые мы покажем сегодня в новостях, мы формируем мнение зрителей. Покажем что-то – даем понять, вот оно – главное, об этом надо думать! Или вот оно – не главное, об этом думать не надо! А что-то мы просто не покажем, будто нет его и никогда не было...

Все слушали внимательно и тихо. Один только спортивный корреспондент морщился с неудовольствием, всячески выражая свой скепсис. Я заметил, что это не укрылось от внимания редактора.

– Мы должны раскатать политически пассивное большинство. Дать понять, что, если они не видят чего-то, это не означает, что этого нет, и пусть придется преувеличить! Если они чего-то не понимают – объяснить! Если не верят – убедить! И для этого хороши все способы! Вот такая у нас журналистика с позицией. А если вам нужны примеры – посмотрите на все центральные и лучшие, – здесь он задрал руки и подергал сложенными вместе указательными и средними пальцами, – СМИ. Кого они вам навязывают, а? Спросите вот этого, – редактор с улыбкой ткнул в меня пальцем, – полгода как оттуда. Все, кто не согласен с таким подходом, могут искать другое место работы. Никаких обсуждений, расходимся, работаем! – И он захлопал в ладоши в темпе ста двадцати ударов в минуту. Народ тонкой струйкой потек из кухни.

– Я уволю его на ... – негромко выругался редактор.

– Спортсмена? – догадался я.

– Ага, будет тут трепаться, создавать настроения, – сказал он, провожая взглядом бормочущего корреспондента.

Спустя час, в баре за рюмкой коньяка, мы долго обсуждали провокацию в журналистике, вопросы этики, что можно нарушить в условиях, когда ведешь информационную войну, и сошлись на том, что у каждого свои рамки. За столом собралось ядро новостейщиков – два редактора и несколько журналистов, которые задавали общий тон.

– За провокационную журналистику с позицией! – под-

нял тост молодой журналист, который испытывал невероятное удовольствие от присутствия в нашем обществе. В последний месяц у него был творческий подъем, его много хвалили, но он не подхватил звездную болезнь, как это часто случалось с телевизионщиками после первого года работы.

Вождение в пьяном виде я решил отложить на потом (вспомнилось, как полгода назад, напившись текилы, я пробил бак) и оставил машину под баром. Идти было недалеко, к тому же с частью шумной компании мне было по дороге. Я болтал, смотрел по сторонам и старался вжать голову в воротник – уже было зябко, а выпил я немного. Попрощавшись с коллегами, я медленно пошел домой. Я знал, почему не тороплюсь. Вчера мы опять поссорились с рыжей, и сейчас меня ждал очередной дурацкий разговор, ужин в одиночестве и, возможно, секс. Да, кровать была у нас безъядерной зоной – в ней мы не вели никаких серьезных разговоров, не затевали ссор, только спали и занимались любовью. Поэтому даже когда мы не разговаривали, стоило залезть под одеяло, как все обиды забывались, по крайней мере, до утра, хотя такое положение вещей в последнее время меня начало даже пугать – нельзя же в концов только заниматься сексом, даже если он очень хорош! Но все же мне постепенно становилось с ней скучно, и я уже не раз задумывался об этом. Я уже не раз задумывался об этом и приходил к тому, что у рыжей не было никаких устремлений – она не хотела заниматься спортом, не хотела учиться, не интересовалась иностран-

ными языками, ей хватало любви и поликлиники. Конечно, она поддерживала мои увлечения и начинания, но без особой инициативы. Мне становилось скучно с ней, и очарование уходило. Я подумал, что через десять лет мы можем стать одной из тех пар, которые я часто вижу в сюжетах о сложных бытовых условиях и дремучей бесперспективности. Я понимал, что все зависит от моих усилий, но понимал также и то, что энергия, которой она заряжает меня, питает эти усилия, а энергии уже не было. Скорее всего, и я чем-то ее не устраивал, а все разговоры на эту тему заканчивались ссорами.

С такими мыслями я поднимался по ступеням старой мраморной лестницы. Мы несколько месяцев искали жилье в этом районе и, как только я начал получать зарплату на телеканале, смогли снять двухкомнатную квартиру недалеко от предыдущей, на улице с булыжником. Я открыл своим ключом, вошел в коридор и начал снимать обувь. Она вышла из комнаты босиком, в трусиках и моей рубашке, которая была ей велика.

– Привет...

– Привет, как медицинские успехи?

– Нормально. А ты опять пил? – И откуда она взяла эту манеру? Словно прожила двадцать лет с мужем-алкоголиком.

– Да, посидели немного после работы, обсуждали разное...

Она сложила руки на груди и оперлась спиной о стену. Она не старалась показаться обиженной, она действительно

расстроилась. И губы надувала не специально.

– Ну что ты, у нас работа такая, мы живем ею, пойми... Это не отработать до шести и никаких мыслей после! – сказал я и понял, что лучше бы конец фразы был другим.

– А думаешь, я иначе? Думаешь, я просто выписала таблетки и пошла домой?

Я понимал, что разговор принял ненужный оборот, но уже не мог остановиться.

– Ну, если б ты так сильно горела своей работой, ты старалась бы как-то пойти учиться дальше, получить новую категорию, стать хорошим врачом. – Я постарался сказать это размеренно и спокойно.

– А почему ты думаешь, что все должны быть как ты, честолюбивые карьеристы, а?

– Почему ты меня так называешь? Это нормально для мужчины – стараться расти и развиваться...

– Ненормально, когда интересуется только работа, только твои дурацкие войнушки и манипуляции людьми! Это все грязно и отвратительно! – Она прокричала это и решительно ушла в комнату. Я пошел на кухню, разогрел какой-то еды и поел в тишине и темноте, потом долго стоял под горячими струями воды. Дверь в комнату была закрыта, и я пошел спать в другую. Несмотря на затянувшуюся ссору, я не думал, что это слишком серьезно, точнее, просто мало об этом думал. Мои мысли занимала персона бородатого вожака, который все чаще выводил на улицу митинги в поддерж-

ку действующего совета и его политики. Идеи наци становились все популярнее среди студентов, и я впервые понял, что меня это беспокоит уже не только как «информационного бойца». Конечно, политика по большей части – расчет и бизнес, и те, кто насаждает идеологию, чаще сами ее вовсе не придерживаются, они лишь используют людей. Но к чему были готовы эти люди? После моего первого сюжета-расследования о случае в баре мы с бородатым знали друг о друге многое. Личной неприязни не было, но мы были по разные стороны баррикад, и нам предстояло еще не одно столкновение. Мои размышления прервала полоска света. На пороге стояла рыжая.

– Если мы разойдемся и я до тридцати не выйду замуж, ты мне сделаешь ребенка?

Я опешил от такого заявления. Я приподнялся на кровати и сказал:

– Ну что ты говоришь такое...

– Я спрашиваю: да или нет, – жестко сказала она.

Чтобы успокоить ее, я должен был что-нибудь ласково сказать, а может, подойти, обнять, пусть даже силой, но не стал.

– Сделаю...

– Хорошо! – Я увидел, как ее стройный силуэт развернулся на месте, дверь стукнула о косяк, и я услышал ее удаляющиеся шажочки.

Такой поворот событий был неожиданным и показался

мне хорошо обдуманым – это не было похоже на спонтанную реакцию или истерику; вероятно, все было куда серьезней, чем мне казалось – и глубина чувств, и пропасть, что нас разделила.

Кабинет лидера напоминал восточный базар. Предвиделся визит того самого политика-оппонента из столицы, главы республиканской националистической партии – от телевизионной агитации он уже перешел к поездкам по стране. Все наперебой высказывали идеи «теплого» приема. Самой безобидной была комбинация с краской, презервативами и какими-то вонючками, самой жесткой – невзрачный автомобиль без номерных знаков, подрезающий его кортеж на оживленной трассе. Точкой в обсуждении стало мнение главного советника: он считал, что лидер должен лично явиться на выступление оппонента и завязать драку. Мы рассчитывали на реакцию сторонников, настроенных весьма решительно (а согласно социологическим исследованиям, их было достаточно для нужного процента на выборах), поэтому такая выходка гарантировала нам симпатии потенциальных избирателей. Лидер колебался и предложил пока отложить решение. Тогда, улучив момент, я рассказал об истории с захватом помещения этнической группировкой, предполагаемом собственнике сети автомоек и схеме лоббирования этих интересов в совете города. Его не смутили знакомые фамилии, он махнул рукой куда-то в сторону:

– Делайте...

Я оставил гомонящий кабинет за спиной и, проходя мимо секретарей, заговорщицки подмигнул, без особой на то причины.

– О, постой, – сказала девушка, – тебе опять звонили эти оккупированные автомойкой, и еще вот возьми обращение.

– А нельзя передать это помощникам в штаб? – глядя на новое обращение, спросил я.

– Нет, он, – девушка понизила голос и махнула головой в сторону кабинета лидера, – сказал тебе дать.

– Понял. – И я поплелся в свой кабинет. В общем-то, я мог перекинуть эти вопросы на кого-то другого, но мне хотелось увязнуть в каких-то хлопотах, чтоб стереть из памяти сцены в ночном клубе.

Я завалился в кресло и встряхнул новую бумагу. Смысл обращения заключался в том, что какая-то фирма начала якобы реконструкцию (на самом же деле просто расширяться с захватом территории) магазина, причинив массу неудобств жильцам дома.

Конкретней – «препятствует доступу в жилые помещения через парадный ход <...> построена стена в непосредственной близости от окон, что мешает доступу солнечного света в жилые помещения». Ситуация была сложна: я знал, что хозяева – приятели лидера, поэтому вряд ли наши действия будут жесткими и решительными, и, возможно, лучшим выходом было бы «не заметить» эту историю. С другой сторо-

ны, люди обратились во все СМИ, в том числе недружественные нам. Журналисты легко смогут перевернуть ситуацию и приплести к ней лидера, а в этом районе нам нужны тишь да гладь. «Надо посоветоваться с ним, а пока я здесь, закажу что-то в доставке», – успел подумать я, когда зазвонил внутренний телефон.

– Да? – поднял я трубку.

– Срочно, срочно поезжай в этот строящийся магазин, там уже что-то происходит! Они звонят каждую минуту!

– Можешь переключить меня на шефа? – сказал я и услышал музыку перенаправления вызова. Но в трубке вновь раздался голос секретаря:

– Он сказал, чтоб ты меньше болтал и больше делал, езжай скорее, – очень нейтрально сказала секретарь.

– Ясно. – Я положил трубку, взял сумку, пиджак и через приемную вышел на улицу. Солнце припекало. «На пляже сейчас просто сказочно», – подумал я, но, если бы у меня оставались силы, туда я смог бы успеть только к ночи. Я открыл машину, бросил вещи на пассажирское сиденье и уселся очень прямо, выдерживая осанку. Как только я завел двигатель, завибрировал мобильный. Я поворачивал одной рукой руль, вывернув голову назад, другой рукой пробирался в сумку. Я выровнял машину и поехал в центр, поглядывая одновременно на дорогу и на экран – незнакомый номер.

– Да! – резко и отрывисто гаркнул я.

– Добрый день, – нежно произнес красивый женский го-

лос.

– Здравствуйте. – Я подчинился ее темпу речи, несмотря на то, что мне приходилось резко крутить руль и вилять меж машин.

– Я представляю издание... – и голос назвал информационное агентство, регулярно пишущее самые разные гадости о нашем лидере. Принадлежало оно местному политику-наци.

Я перебил ее:

– Девушка, у вас, конечно, прекрасный голос, но вы же понимаете, что я не дам вам комментариев?

– А я вас уговорю, – очень спокойно и серьезно сказала она, а я почему-то вспомнил свою пустую и одинокую квартиру и что женщина мне нужна ну как минимум для здоровья – по крайней мере, так сказал врач, когда из-за нервов на работе меня подвело сердце. С рыжей у меня давно уже ничего не было, я старался избегать ее, тем более после встречи в ночном клубе. Чтоб заглушить эмоции, я попытался завязать романтическое знакомство с управляющей магазином медицинской техники – это была молодая женщина, некогда получившая степень мастера спорта по легкой атлетике, с ней я познакомился, когда заказывал очередную партию помощи дому инвалидов. Она была тонкой и стройной, а выходя из-за прилавка в зал, тянула носок. Казалось, сейчас она достанет яркую ленту и начнет рисовать в воздухе замысловатые фигуры. Мы сразу прониклись взаимной сим-

патией – разговор по делу занял две минуты, а следующие сорок мы просто проболтали, выпив несколько чашек кофе. Зрелый ум и красивое тело привлекали меня, но я так и не нашел времени с ней встретиться. Она, похоже, обиделась, и мы перестали общаться. Я пытался объяснить, что у меня сейчас сложный период, но какое ей дело до чужих проблем. Загорелся зеленый, сзади начали сигналить, я рванул с места. «А вот журналистка поймет сложные графики», – усмехнулся я про себя.

– А как вы меня уговорите?

– Ну, я очень вежливо попрошу вас перейти к делу, – с напускной строгостью сказал голос.

– К какому именно? – Я вновь саботировал ее желание выполнить профессиональный долг, и, хотя эта игра увлекала меня, я сдался: – Ну хорошо, говорите!

– Спасибо, – очень сухо и победно сказала она. – Меня интересует вопрос: какое отношение ваш босс имеет к захвату территории для расширения магазина? – И я услышал адрес, который был пунктом моего назначения.

– Знаете, я как раз туда еду. Может, там и пообщаемся? И я увижу обладательницу столь прекрасного голоса.

– А зачем вы туда едете? Вы знаете, что сейчас там происходит? – Она проигнорировала мои попытки назначить встречу.

– Да, звонили люди, что-то срочное, видимо, сейчас они трезвонят всюду. В общем-то, поэтому я туда и еду.

– Сейчас на место вызвана частная охрана, которая выгоняет людей из помещений. У меня есть информация, что это делаете вы.

– И кто вам это так сказал? Ваш собственник? – без агрессии, скорее лукаво спросил я.

– Я не открываю свои источники, это непрофессионально.

– Если хотите, наберите меня через час, я разберусь, что там, и расскажу вам, так сказать, в неофициальном порядке.

– Хорошо. – И она сразу положила трубку.

Приятное предчувствие наполнило меня, а ее голос завладел моими мыслями. Это было то, что мне сейчас нужно, – влюбиться, хоть немного, и отвлечься от глупых мыслей и суеты.

Подъехав к названному адресу, еще издалека я заметил группу людей, толпившихся перед входом в здание. Двери были заколочены, напротив входа стояли люди в бронежилетах, черной форме без шевронов, эмблем и других опознавательных знаков. Движение на улице было оживленным, я неаккуратно поставил машину и поспешил к толпе.

– У нас есть решение суда! – кричала одна из женщин. Я сразу решил, что это организатор всего «народного» действия. Выглядела она типично для своей роли: немного старше пятидесяти, полная, невысокая, белые, небрежно крашенные волосы и гнев в голосе.

– Добрый день, что у вас происходит? – официальным тоном спросил я. Я не стал представляться, но женщина, взгля-

нув на меня, сразу радостно заголосила:

– Ой, здравствуйте, это же вы, наш хороший, я вас по телевизору вижу! Это помощник хорошего человека! – рекомендовала она меня. Теперь мне предстояло выдержать натиск всей публики, поскольку ее слова мгновенно убедили соседей в том, что я действительно хороший человек. Поднялся гомон, люди наперебой старались рассказать, как несправедливо с ними обошлись.

– Пойдите, пойдите, давайте кто-то один! – Я старался остановить поток сознания.

– Вот бумага, это решение суда, – женщина повернулась к охранникам, которые внимательно наблюдали за ходом дела, – и в ней *черным по белому* сказано, – этот прекрасный оборот не укрылся от моего внимания, я решил использовать его в дальнейшем, – что мы имеем право на беспрепятственный проход в жилое здание через парадный подъезд. А эти уроды, – она широким жестом благословила охранников, – не пускают нас. Забили все досками и перестраивают как вход в магазин. А сразу за дверью живут старики, еле ходят. Им теперь через второй этаж ходить? А там лестница на улицу какая, видели? Винтовая, металлическая, зимой там и молодой-здоровый боится ходить! Вот такие у нас дела. Что будем делать?

Я понимал, что, приехав сюда, должен тут же что-то решить, и это вопрос репутации шефа, а в первую очередь – моей. Если я обращаюсь к хозяевам магазина – они быстро до-

говорятся с лидером, мы дискредитируем себя, а меня будут вспоминать недобрым словом. «Чужие» журналисты скажут, что мы заодно, а жители дома с радостью наговорят гадостей обо мне в своих интервью. Отложить решение на потом – тоже не дело, ведь неясно, как все повернется. И даже показывать этот материал на нашем канале нельзя – лидеру тотчас же позвонят владельцы магазина с просьбой убрать сюжет из эфира.

Решить необходимо сейчас же, и по возможности без лишнего шума.

– Смотрите, их всего двое там, у вас на руках – бумага. Вызывайте полицию и «ломайте» этих двоих. Все будет законно.

– Да как же, вызывали, – всплеснув руками, сказала она, – вызывали, да не едут они. А этих тронь – вагон приедет, было уже такое. Это все, что вы можете предложить? – грустно спросила она.

У меня созрело решение, и я предложил отойти немного в сторону, чтоб охранники нас не слышали. Стайка людей стремительно передвинулась на новое место.

– Я могу вам предложить. Только это потребует от вас усилий, мы не можем заменить собой полицию. Вы готовы к борьбе? – проникновенно спросил я.

– А что надо делать? – покладисто спросил невысокий крепкий мужик.

– А делать надо следующее – ломать тех двоих, заходить

куда надо, хотите – ставить свой замок. А я обеспечу вам присутствие полиции и телевидения, затем информационный резонанс. Идет? Думайте.

После недолго самоопределения публика решила драться.

Я взял тайм-аут для нескольких звонков. Первый – начальнику участкового отдела.

– Здравия желаю, товарищ майор! – бодро начал я.

– Здоров, говори быстро, – сказал приглушенно хриплый голос, видимо отвлекшись от совещания. Я быстро описал ситуацию, назвал адрес.

– И понимаете, как нехорошо выходит – здесь уже куча камер, газетчики едут, будет даже центральный канал, а ваши все не едут и не едут, потом скажут, что вы договорились. А сейчас здесь будет ой-ой-ой – все свалите на хулиганское поведение людей.

– Ой... – вздохнул он, – эти мне вот уже где. – Скорее всего, на этих словах он ударил себя ребром ладони по горлу. – Сейчас приедет наряд.

– Благодарю, не отвлекаю!

Расчет оказался верным – опасаясь, что ситуация станет медийной, он решил нарушить договоренность с собственником магазина, а в том, что такая договоренность была, я не сомневался ни секунды. Телефон задергался у меня в руке – это была управляющая магазина медтехники.

– Привет, пропажа, – ласково сказала она.

– Привет. – Я в очередной раз поразился ее умению по-

звонить совсем не вовремя и старательно сохранял спокойный тон.

– Я тут подумала... Видела тебя на днях по телеку. Наверное, ты действительно зашиваешься со своей работой, и я напрасно решила, что это все отговорки. Хочешь – оставь мне ключи от дома, я приготовлю что-то, хоть поешь нормально.

В динамике запищала вторая линия. Я отнял телефон от уха – звонило мое томительно-сладкое предчувствие с обволакивающим голосом.

– Сейчас, я переключусь, подожди, – не дослушав собеседницу, прокричал я и переключил вызов на журналистку.

– Вы уже на месте? – понизив голос на слове «место», спросила она.

– Да, слушай, тут у людей забрали подъезд, частная охрана, ну, по сути бандиты, их не пускают. Там даже старики есть с инвалидными колясками. Я договорился, полицаи приедут, но нужен скандал. В наших СМИ я его не подниму, ты мне поможешь.

Мне было интересно, чему она больше удивилась – неожиданному переходу на «ты» или моей уверенности в том, что она поможет.

– Хорошо, но я не смогу сейчас приехать, только если ты потом...

– Да, я тебе дам фотографии и контакты людей, чтоб ты сама с ними поговорила! – перебил я ее. – Все, давай, буду

звонить дальше, надо вызвать съемочную группу, чтоб все боялись!

– Хорошо, жду информации, – сказала она профессиональным тоном.

– Пока, до свидания!

– До свидания! – как-то теплее сказала она.

Я посмотрел на телефон – повелительница медтехники не стала дожидаться, пока я наговорюсь, и скинула вызов. Тем лучше – надо скорее звонить телевизионщикам. Я позвонил координатору, вызвал дежурную группу – здесь заминок не было, и вернулся к «новобранцам».

– Выбирайте: «каре» или «свиньей» пойдете? В общем, полиция обещала не принимать какую-либо из сторон и обеспечить охрану общественного порядка. Журналисты гарантируют фиксацию событий, но по большей части они будут пугалом для любых персонажей в форме – как для этих, – я показал на пацанов в «брониках», – так и для тех, кто еще не приехал.

– Да сейчас мы их быстро... – не дожидаясь сбора всех участников спектакля, пробормотал коренастый, повернулся к охранникам, и все пошли за ним...

Когда приехали журналисты и полиция, первым уже нечего было снимать, вторым – обеспечивать. Парней в форме снесло людским потоком, и они быстро куда-то ретировались без лишнего шума – скорее всего, это было следствием серии звонков друг другу незнакомых мне людей и одного зна-

когого майора. Парадный подъезд был вновь свободен, люди торжественно проходили через него в здание и обратно, словно проверяя, в самом ли деле это возможно. Я попросил журналистов нашего канала снимать все, что происходит, и бойкая девушка сразу принялась записывать интервью, подсовывая жителям микрофон со значком канала. Все с уважением смотрели на этот символ освобождения. Я пожалел ее, подошел и тихонько шепнул на ухо:

– Это в эфир не пойдет, не напрягайся, мне нужна картинка – основные планы.

Она кивнула и сразу принялась объяснять что-то оператору. Тот подхватил камеру и отбежал в сторонку – брать общие планы. Я задумался: а почему я сразу так доверился той журналистке? В конце концов, получив информацию, она может использовать ее против меня, ведь если она вела запись разговора, то запросто может спровоцировать очень неприятную ситуацию. Я машинально водил глазами за всеми героями сцены, и меня будто озарило: дело было в принципиальности ее тона. Когда она сказала, что не выдает своих источников, я сразу проникся к ней доверием, ведь она – «журналист с принципами», она в самом деле хочет помочь этим людям. Вряд ли она бездушный информационный киллер, а ее работа в этом издании, скорее всего, объясняется какой-то личной позицией – по крайней мере, так мне хотелось думать. От размышлений меня оторвал черный микроавтобус, лихо подкативший к зданию. Из него бодро де-

сантировалось человек пятнадцать в масках, черной форме и защитных накладках. От группы приехавших отделились несколько человек.

– Заходите в здание и закрывайте дверь! – крикнул я предводительнице. Вновь прибывшие не спешили приступить к действиям, поэтому люди успели спрятаться за дверью. Журналисты снимали, бойцы недовольно косились на камеру. Проходя мимо нас, один проронил:

– Выключите камеру!

Журналистка принялась было спорить, но я успокоил ее и предложил вообще не обращать внимания.

Несколько человек из группы приехавших подошли к полиции. Я рванулся к двери и постучал:

– Дайте решение суда. Нет, не открывайте, просуньте под дверь!

По мраморной ступеньке выскользнула казенная бумажка. Я подхватил ее и направился в сторону переговорщиков. Подойдя к толстому капитану, я всунул ему в руки бумагу.

– Вот решение суда, читайте, – и, не дожидаясь ответа, пошел обратно.

Они говорили еще минуты две, кому-то звонили, капитан размахивал руками и громко что-то доказывал. Тройка бойцов развернулась и пошла обратно к микроавтобусу.

– Приезжайте еще! – радушно попрощался я. Они зыркнули искоса, погрузились в транспорт и быстро отъехали. Я повернулся к журналистке.

– Все, езжайте, сделай мне красивых скриншотов с основными моментами и кидай на почту. Да?

Она мотнула головой, дала команду оператору, и группа уехала в студию. Теперь для закрепления эффекта нужно было распространить материалы: дожидаться, когда я получу фотографии, отправить их товарищу-газетчику, еще одному из информагентства и своей новой знакомой. Этого будет вполне достаточно, другие СМИ подхватят волну, хотя кто-то обязательно опубликует откровенное вранье. Я посмотрел на часы – можно было переходить к следующему пункту программы – автомойке. Я перебежал дорогу, сел в машину и закрыл центральный замок. На чьей-то визитке секретари записали номер пострадавших, я не успел переписать его в ежедневник, поэтому рылся в сумке. Несмотря на то, что они не раз звонили, я не утруждал себя записью подобных номеров – иначе моя книжка была бы заполнена контактами в духе «прорв. трубы. уже истерят», «отобрали жилье», «просит д. на операц. доч.» и т. д. Кому-то мое пренебрежение в некоторых вопросах казалось циничным, однако приходилось абстрагироваться от чужих проблем, иначе можно сойти с ума. Наконец я отыскал визитку и набрал номер. Трубку долго не брали, потом все же сняли, и я услышал множество голосов – группа людей оживленно переговаривалась на фоне далеких криков.

– Алло, вы едете к нам? – с волнением спросил мужской голос.

– Да, уже выехал. Что у вас за крики?

– Тут долго рассказывать, вы не подъезжайте прямо к дому, – и он назвал место в квартале от автомойки.

Я достал из бардачка кобуру с пистолетом и приладил за поясом сзади. Теперь со стороны могло показаться, что я стараюсь сидеть за рулем очень прямо, словно на уроке. К счастью, пользоваться оружием мне еще не приходилось, только один раз попугал на улице пьяных идиотов, тем не менее я тренировался быстро готовить его к выстрелу – к тому времени с десятков моих коллег успели побывать в крайне неприятных ситуациях.

В это время город был в пробках, не спасали даже укромные улочки – заторов на них было еще больше. Солнце припекало, и я с завистью смотрел на промчавшегося мотоциклиста. В детстве я ездил на мопеде – почему бы не попробовать мотоцикл? Наконец я приехал к названному месту. Во всем квартале не было ни души, дома стояли близко друг другу, и я слышал гул, знакомый мне по телефонному разговору. Мне очень хотелось увидеть, что там происходит, но я скромно ждал. Спустя пять минут я набрал тот же номер, трубку взяла женщина и без всяких приветствий быстро проговорила:

– Это его жена, минут пять как вышел к вам, – и звонок оборвался.

Я присел на машину и начал смотреть по сторонам, поглаживая щетину на затылке. Позвонила помощница:

– Новое интервью только что записали, сказали, завтра отправят на проверку, но с телевидением мы не успеваем. Что делать?

Краем глаза я уловил движение и повернул голову. Ко мне бежал мужчина лет сорока, в руках у него был белый конверт.

– Вот, держите, здесь все записано! – Он с разбегу протянул диск, ударив меня по руке. – Все, я бегу обратно, а вы в машину сразу и уезжайте, они за мной бежали! – Он понесся дальше. Я огляделся, никого не увидел, но поспешил сесть в авто. Двигатель завелся, я посмотрел в зеркало, проверяя дорогу, и заметил два силуэта, приближающихся ко мне. Один из них был мой знакомый: бородатый. Запищал телефон. Я не торопился трогаться, они пробежали мимо, а бородатый бросил быстрый взгляд в салон.

– Да, – сказал я в трубку.

– Фотографии у тебя на почте, – ответственно сказала журналистка. Я смотрел на дорогу и собирался тронуться, как только они окажутся за углом, но бородатый неожиданно схватил напарника выше локтя и обернулся. Сотрудница продолжала что-то говорить, но я понял, что мне пора. На узкой улице было не развернуться, поэтому я резко рванул вперед, чтоб у них не появилось идеи броситься под машину. Они припустили за мной. Я поднес телефон к уху.

– ...а вот на второй, там четко вообще видно, что...

– Я все понял, спасибо большое!

Пока улица была чистой, я уверенно отрывался, проехал и на красный. Но как только я достиг оживленного движения, пришлось ехать медленнее. Я бросил взгляд в зеркало: мои преследователи были менее чем в двух кварталах, они неслись между машинами, поглядывая по сторонам. Зазвонил телефон. Медтехника. Я поднял трубку.

– Ну, что делаешь? – ласково начала она. – Даже не договорил со мной, да? – Наверное, в этот момент она сделала обиженное лицо, может, даже надула губки.

– Я ... еду! – Я агрессивно перестраивался в левый ряд, чтоб уйти на примыкающую улицу. Двое приближались, я видел, как они заглядывали в машины.

– Ну это, конечно, тоже дело – ехать, – она рассмеялась, – давай так: сделаем вид, что прошлого разговора просто не было. Скажи, где встретимся, оставь ключи, я буду ждать тебя хоть всю ночь.

Меня, разумеется, восхищало и грело ее терпение, но куда больше внимания я уделял машине впереди, которая никак не могла проехать перекресток, а я из-за нее не мог уйти на боковую улицу.

– Да езжай давай! – Я нажал на сигнал, потому что ей было куда подвинуться.

– Ну-ну, а я и не думала, что ты такой нервный и ругаешься за рулем! – пожурила она меня. На второй линии запищал офисный номер – видимо, помощница все же хотела выяснить, что делать с телеинтервью.

– Секунду, я вернусь! – я переключился. – Да!

– Слушай, тут приехал канал, из столицы, помнишь, до-говаривались, а лидер передумал. Что мне им сказать?

– Что хочешь, то и скажи. – Машина впереди проехала перекресток, и я юркнул налево. Теперь они увидели машину и направились сразу ко мне.

– Хорошо, мне нужно было услышать это от тебя. И по расселению гостей конференции...

– Давай о конференции потом! – Я прижал как мог машину к обочине, схватил сумку, швырнул в нее диск и переключился на медтехнику.

– Алло! – уже на бегу выдохнул я.

– Что у тебя там происходит, что ты делаешь? – уже без иронии спросила она.

– Бегу! – проорал я в трубку и обернулся: они порядком устали, и у меня была отличная фора. Я нажал что было сил, увидел знакомый проходной двор и метнулся в него.

– Я перезвоню, – от диафрагмы прорычал я в трубку и кинул телефон в сумку.

Двор выходил на пешеходную улицу, и в ближайшем квартале было заведение моего приятеля – там всегда собирались знакомые и, что меня в этот момент интересовало больше всего, был черный ход. Здесь, во-первых, можно нормально подраться, во-вторых, черный ход выводил во внутренний двор, из которого можно было выйти на три разные улицы.

Я сбежал по лестенке вниз, в кафе, и, стараясь сбавить

темп, проскочил во второй зал, где был единственный свободный стол с табличкой «забронировано». Стоя у стола, я часто дышал, откуда-то из развешанных по стенам афиш, шляпок и пенсне ко мне вышла высокая официантка с короткими вьющимися волосами и тонкими пальцами. Она очень органично смотрелась в обстановке этого декаданса.

– Привет! Давно тебя не было, – сказала она и чмокнула меня в щеку.

– Привет! Усади меня куда-нибудь.

Она убрала табличку «Резерв» и сказала:

– Вот!

Я плюхнулся на диван, она ушла за меню, а я достал телефон. Среди всех номеров я сразу нашел свою загадку.

– Привет! Бери компьютер, приезжай ко мне. Я дам фото по сегодняшнему и покажу интересную запись. – Я и сам не знал, что на диске, но был уверен, что заинтересую ее.

– Привет, но вообще-то я занята... А какая запись? – Она спрашивала с иронией, словно и сама смеялась над своим любопытством.

– Запись, добытая в результате битвы и погони. – Я рассказал ей все как было. Хотя нет – приукрасил как только мог.

– Как интересно! Буду через полчаса!

Расчет оказался верным – я чувствовал, что куда сильнее женского любопытства ее ведет профессиональный интерес.

Мы договорились, что я встречу ее на улице, и через пол-

часа я маячил перед входом. Прождав пятнадцать минут, я решил набрать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.